

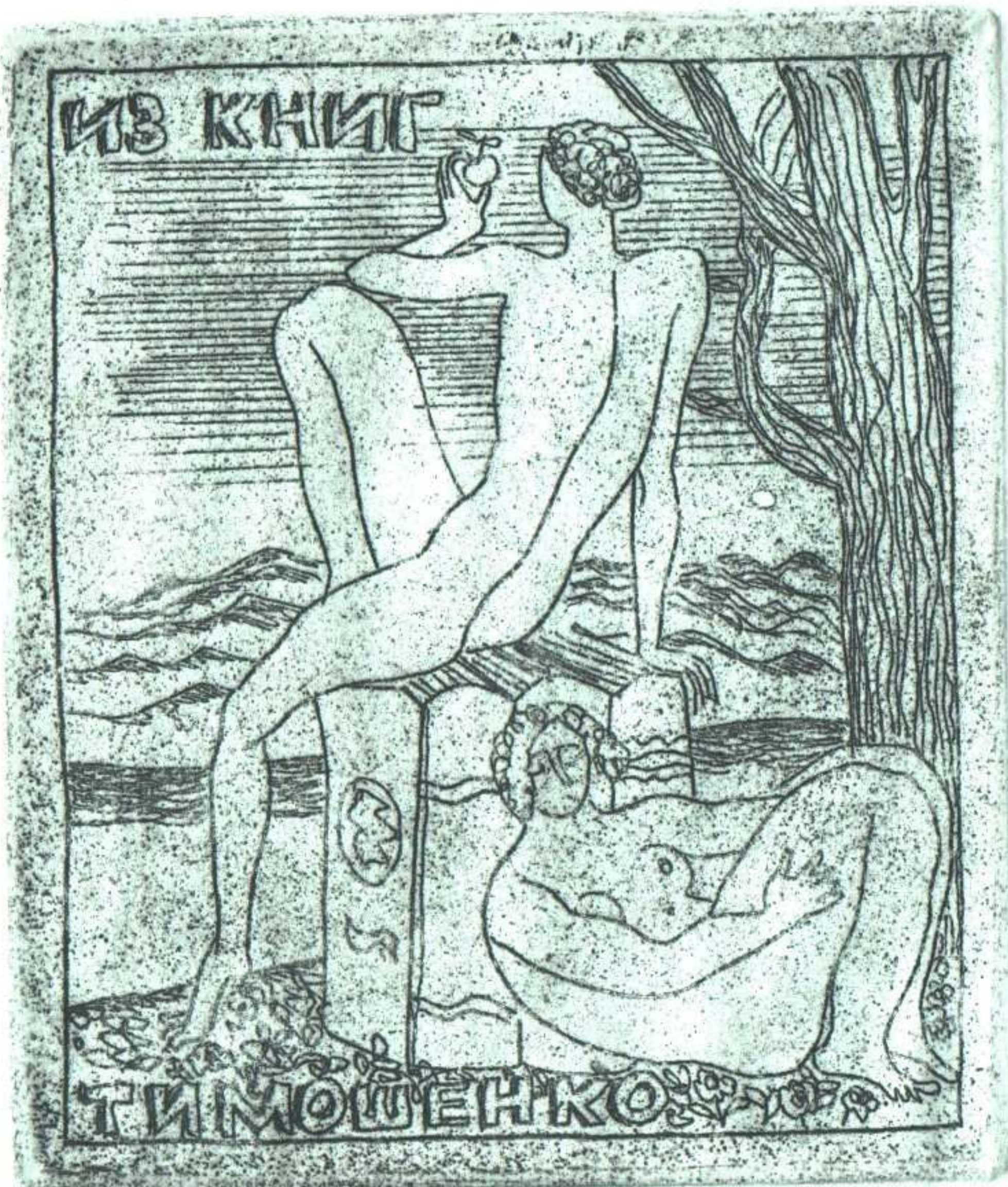
КНИГИ - МОИ ДРУЗЬЯ

ВОЛШЕБНАЯ ДУДОЧКА

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ
НЕМЕЦКИХ ЗЕМЕЛЬ

Софья Прокофьева

ВОЛШЕБНАЯ ДУДОЧКА

СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ
НЕМЕЦКИХ ЗЕМЕЛЬ

Иллюстрации Ники Гольц

ЭКСМО
Москва
2012

Гамельнский крысолов

Славен и богат город Гамельн. На главной площади подпирают небо острые крыши ратуши. Еще выше тянутся к небу шпили собора Святого Бонифация. Что ни дом, то загляденье: башенки, балконы, золочёные фигурки. Дорожки посыпаны мягким песком, чтоб приятно было ступать ноге в башмаке из тонкой кожи.

Вот отзвонили колокола Святого Бонифация. Пёстрая толпа выплывает из высоких стрельчатых дверей собора, растекается по широким мраморным ступеням.

Идут богатые бюргеры, важно поглядывают по сторонам. Блестят золотые цепи на бархатной одежде. Пальцы унизаны кольцами.

Заывают, заманивают покупателей купцы. Прямо на площади раскинулся рынок. Горами навалена снедь. Сало белее снега. Масло желтее солнца.

Глубоким рвом, высокой стеной с башнями и башенками со всех сторон окружён город. У каждых ворот стражники. Если пуст кошель, на колене заплата, на локте дыра — копьями и алебардами гонят бродягу от ворот стражники.

Каждый город чем-нибудь да знаменит.

Знаменит Гамельн своим богатством, золочёными шпилями своих соборов. А гамельнцы знамениты скупостью. Умеют они, как никто, беречь свои запасы, множить добро, отнимать у бедняка последнюю денежку.

Наступил засушливый, неурожайный год. В округе начался голод.

А гамельнцам до этого и дела нет. У них амбары полны ещё прошлогодним зерном, гнутся столы от яств.

Уже с осени потянулись толпы голодных крестьян в город.

Но хитрые купцы решили попридержать зерно до весны. К весне ещё больше прижмёт крестьянина голод, ещёе выгодней можно будет продать зерно.

Всю зиму у стен Гамельна, у закрытых ворот толпились голодные люди. Матери на руках поднимали истощённых детей, просили хоть корку хлеба. Но нет, бургомистр приказал ждать.

— Знаю я этих хитрецов! — заявил бургомистр. — Рады прикинуться нищими. А на деле у кого-то закопан горшок с монетами, вдова припрятала в сундуке для дочки-невесты золотую цепочку. Пусть несут последнее.

Но вот растаял снег на полях, бургомистр увидел, что люди уже еле держатся на ногах от голода.

Тогда приказал он раскрыть все городские ворота и беспрепятственно пропускать всех.

Встали в дверях лавок купцы, руки заложив за пояс, брови строго нахмутив, чтобы сразу поняли: дёшево здесь ничего не купишь.

Но тут случилось невиданное дело.

Пока ослабевший люд тащился в город, внезапно со всей округи, из голодных деревень, с пустых полей в Гамельн хлынули крысы.

Показалось поначалу: не так велика беда.

По приказу бургомистра подняли подъёмные мосты, все ворота наглухо закрыли и завалили камнями. Но крысы через какие-то ходы, щели проникали в город.

Открыто, среди бела дня, шли крысы по улицам. В ужасе смотрели жители на страшное крысиное шествие.

Голодные твари разбежались по амбарам, подвалам и закромам, полным отборного зерна. И начались крысиные пиры!

Крепко призадумались бюргеры. Собрались на совет в ратуше.

Хоть и был бургомистр Гамельна изрядно толст и неповоротлив, но ничего не скажешь — умом крепок. Порой только руками разводили гамельнцы: до чего ж умён, хитёр!

И вот, поразмыслив, приказал бургомистр: чтобы избавить Гамельн от неожиданной

беды, свезти в город со всей округи котов и кошек.

Скрипят телеги по дорогам в Гамельн. На телегах наспех сколоченные деревянные клетки. А в клетках не откормленные гуси и утки на продажу, а коты и кошки. Всех мастей и пород, худые, облезлые, голодные.

Въехали телеги на площадь перед ратушей. Стражники открыли клетки. Во все стороны побежали коты, серые, рыжие, чёрные, полосатые.

С облегчением вздохнули бюргеры и, успокоившись, неспешно разошлись по домам.

Но ничего из этой мудрой затеи не вышло.

Коты испугались столь обильного угощения. В страхе бежали они от крысиных полчищ. Прятались кто куда, забирались на островерхие черепичные крыши. Худой чёрный кот залез на кровлю собора Святого Бонифация и мяукал всю ночь напролёт.

Наутро был вывешен приказ: котов в город заманивать лаской и салом, а из города не выпускать ни одного.

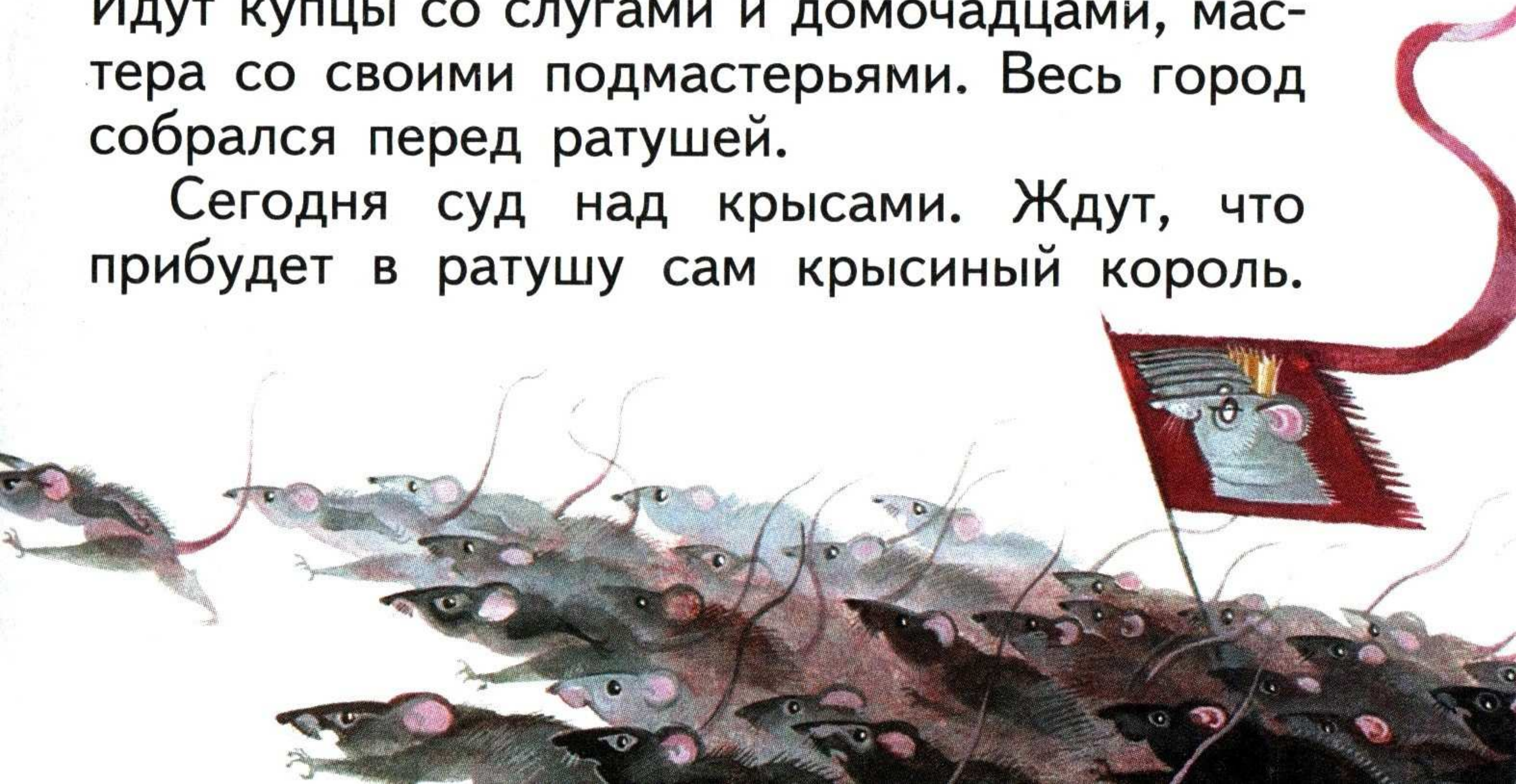
Но куда там! Уже через три дня в Гамельне не осталось ни одного кота.

Что ж, одно не помогло — надо придумать другое. Не сидеть же сложа руки, глядя, как гибнет добро, любовно скопленное, сбережѐнное, столько раз считанное!

С утра на площади глашатаи трубят в трубы, вызывают на суд крысиного короля.

К городской ратуше стекается народ. Идут купцы со слугами и домочадцами, мастера со своими подмастерьями. Весь город собрался перед ратушей.

Сегодня суд над крысами. Ждут, что прибудет в ратушу сам крысиный король.

Говорят, семь голов у него и одно тело. На каждой голове искуснейшей работы золотая корона размером с лесной орех.

В ратушу набилось столько народу — яблоку негде упасть. Один за другим вошли судьи и расселись под балдахином на золочёных креслах. В чёрных бархатных мантиях, в чёрных шапочках, лица у всех важные, строгие, неподкупные — дрожи, крысиный король и вся крысиная братия!

Писцы очинили перья. Все ждали. На малейший звук, даже на шелест упавшей перчатки, разом поворачивались все головы.

Ждали до вечера. От жары и духоты пожелтели лица судей. Но крысиный король так и не явился.

Делать нечего. Тут же за дверьми изловили большущую усатую крысу. Посадили в железную клетку, а клетку поставили посреди стола.

Главный судья Каспар Геллер поднялся с места. Вытер платком взмокшее лицо. Пять амбаров с зерном подчистую разграбили у него крысы, опустошили все погреба.

Долго громовым голосом обличал крысиное племя судья Каспар Геллер. Протянув руку над клеткой с крысой, перечислял все преступления, злодеяния и козни проклятых крыс.

Долго совещались судьи. Наконец Каспар Геллер встал и громким голосом огласил приговор:

— «Мы, милостью божьей судьи города Гамельна, прославленные своей честностью и справедливостью, приказываем и повелеваем: всем упомянутым крысам, а также королю всего проклятого крысиного племени к полудню завтрашнего дня под страхом смертной казни покинуть наш славный город, а также все земли, принадлежащие ему».

Потом крысу, подпалив ей хвост, отпустили, чтобы передала всему своему роду строгий приказ гамельнского суда.

И все опять, успокоившись, разошлись по домам.

На другой день с утра нет-нет да и подходили к окнам жители. Ждали, что двинутся крысы вон из города.

Но только напрасно ждали. Солнце стало уже клониться к закату, а крысиное племя и не думало исполнять судебный приговор.

А тут вдруг пронеслась страшная весть! Неслыханное дело!

В ночь, как состоялся суд, проели крысы до дыр у главного судьи Каспара Геллера судейскую мантию и шапочку в придачу.

От такой наглости все только рты пооткрывали. Быть беде!

И в самом деле, крыс в Гамельне всё прибывало и прибывало.

По ночам во многих окнах мигали свечи. Догорит одна свеча — от огарка зажигали другую, и так до утра. Сидели бюргеры на

высоких пуховиках, не решаясь спустить ноги с постели.

Уже никого не боясь, шныряли крысы повсюду. Привлечённые ароматом жаркого, пробирались на кухни. Выглядывали из углов, поводя носами, принюхиваясь: «Чем тут пахнет?» Прыгали на столы, прямо с блюд норовили утащить лучший кусок. Добирались даже до окороков и колбас, подвешенных к потолку.

Чего нихватишься — всё сожрали, проклятые.

И уже в двери многих домов костлявым пальцем постучал голод.

А тут ещё приснился бургомистру такой сон: будто выгнали крысы из домов прежних хозяев. Он, почтенный бургомистр города Гамельна, бредёт с нищенской сумой. Робко постучал в дверь своего дома. Дверь распахнулась — на пороге крыса в рост человека. На груди — золотая бургомистрова цепь. Махнула лапой — набросились на бургомистра другие крысы в шлемах, с алебардами: «Вон отсюда!» И прогнали от порога родного дома...

Наутро собрал в ратуше бургомистр всех советников, рассказал свой сон. С тревогой переглянулись бюргеры: «Ох, не к добру это!»

Хоть и были бюргеры один скупей другого, но тут решили: ничего не жалеть, лишь бы избавить город от страшной напасти.

По всем улицам Гамельна прошли глашатаи. Шли они, сбившись в кучу, друг к другу поближе. Город как вымер.

На притихших площадях, на пустынных улицах в полной тишине странно и зловеще звучали трубы и голоса глашатаев:

— Кто избавит славный город Гамельн от крыс, получит за это столько золота, сколько сможет унести!

Но прошло три дня, а в ратушу так никто и не явился.

На четвертый день колокол снова собрал всех бюргеров в ратушу.

Бургомистр долго тряс рукавами, подбирал края плаща — не забралась ли крыса? Осунулись, побледнели бюргеры, под глазами чёрные круги. Куда девался румянец и толстые щёки?

Если уж не помогает обещанная награда, видно, больше ждать спасения неоткуда.

Не выдержав, закрыл лицо руками бургомистр и глухо зарыдал. Всё, конец! Погибает добрый, старый Гамельн!

И вдруг все услышали какие-то голоса, шум и движение внизу, на площади.

В зал вбежал стражник и крикнул:

— Крысолов!

В дверь, прихрамывая, вошёл странный человек.

Был незнакомец высок и худ. Лицом тёмн, словно хорошенько

прокоптили его над огнём. Взгляд пронзительный. От такого взгляда холод пробежал по спине.

На плечах короткий плащ. Одна половина камзола чёрная, как ночь, другая — красная, как огонь. В чёрную шапочку сбоку воткнуто петушиное перо. В руке же незнакомец держал старинную, потемневшую от времени дудку.

В другое время, конечно, осторожные бюргеры поостереглись бы: не доверяли они тощим бродягам. Но сейчас все обрадовались ему, как самому желанному гостю.

Бургомистр, назвав его «любезный мой господин», сам придвинул ему кресло. Судья Каспар Геллер попробовал даже хлопнуть его по плечу. Но тут же отдёрнул руку — ладонь словно огнём обожгло.

Слуги спустились в подвалы и принесли бутылки с мальвазией, рейнским и мозельским.

А бургомистр, уже не в силах сдержать нетерпение, спросил незнакомца напрямик:

— Скажи, можешь ли ты увести крысиное племя из нашего города?

— Могу, — усмехнулся крысолов. — Эти твари мне подвластны.

— Как? Все до единой?.. — Бургомистр даже привстал с места.

— Я очищу ваш город от крыс. Слово моё, крысолова, крепко. Но и вы своё сдержите. За это дадите мне столько золота, сколько смогу унести.

— Худ, как жердь, да и хром в придачу. Такой много не унесёт... — шепнул бургомистр судье Каспару Геллеру. А потом уже, повернувшись к крысолову, сказал громко и важно: — Всё, как договорились, почтенный наш гость. Обмана не будет.

— Так смотрите, не вздумайте нарушить своё слово, — сказал крысолов и вышел из ратуши.

Небо стало вдруг серым и мрачным. Вороны, облепившие шпили собора Святого Бонифация, поднялись, закружились с зловещим карканьем.

Крысолов поднёс к губам дудку. И полились из дудки протяжные звуки.

Слышался в этих звуках щекочущий шорох зерна, струйкой текущего из прорехи в мешке. Весёлое шипенье масла на сковороде. Хруст сухаря под острыми зубами.

Ахнули бюргеры, стоявшие у окон.

Потому что на звуки дудки из всех домов стали выбегать крысы. Выползали из подвалов, прыгали с чердаков.

Крысы окружили крысолова со всех сторон.

А тот пошёл, прихрамывая, с площади. И все до одной крысы побежали вслед за ним. Стоило только умолкнуть дудке, как всё несметное крысиное полчище останавливалось. Но опять начинала петть дудка. И снова крысы покорно устремлялись вслед за крысоловом.

Из улочки в улочку шёл крысолов. Крыс становилось всё больше.

Выглядывали из окон мясники, колбасники, сапожники, золотых дел мастера. Ухмылялись. Что ни говори, а приятно смотреть вслед уходящей беде!

Вслед за крысоловом все крысы двинулись к городским воротам. Стражники едва успели укрыться в башнях.

Крысы выбежали из города и чёрной лентой растянулись по дороге. Последние, отставшие, перебегали через подъёмный

мост — и вдогонку за крысоловом. Всё заволокло пылью. Несколько раз мелькнул чёрный плащ крысолова, рука с дудкой, петушиное перо.

Удаляясь, всё тише и тише звучала дудка...

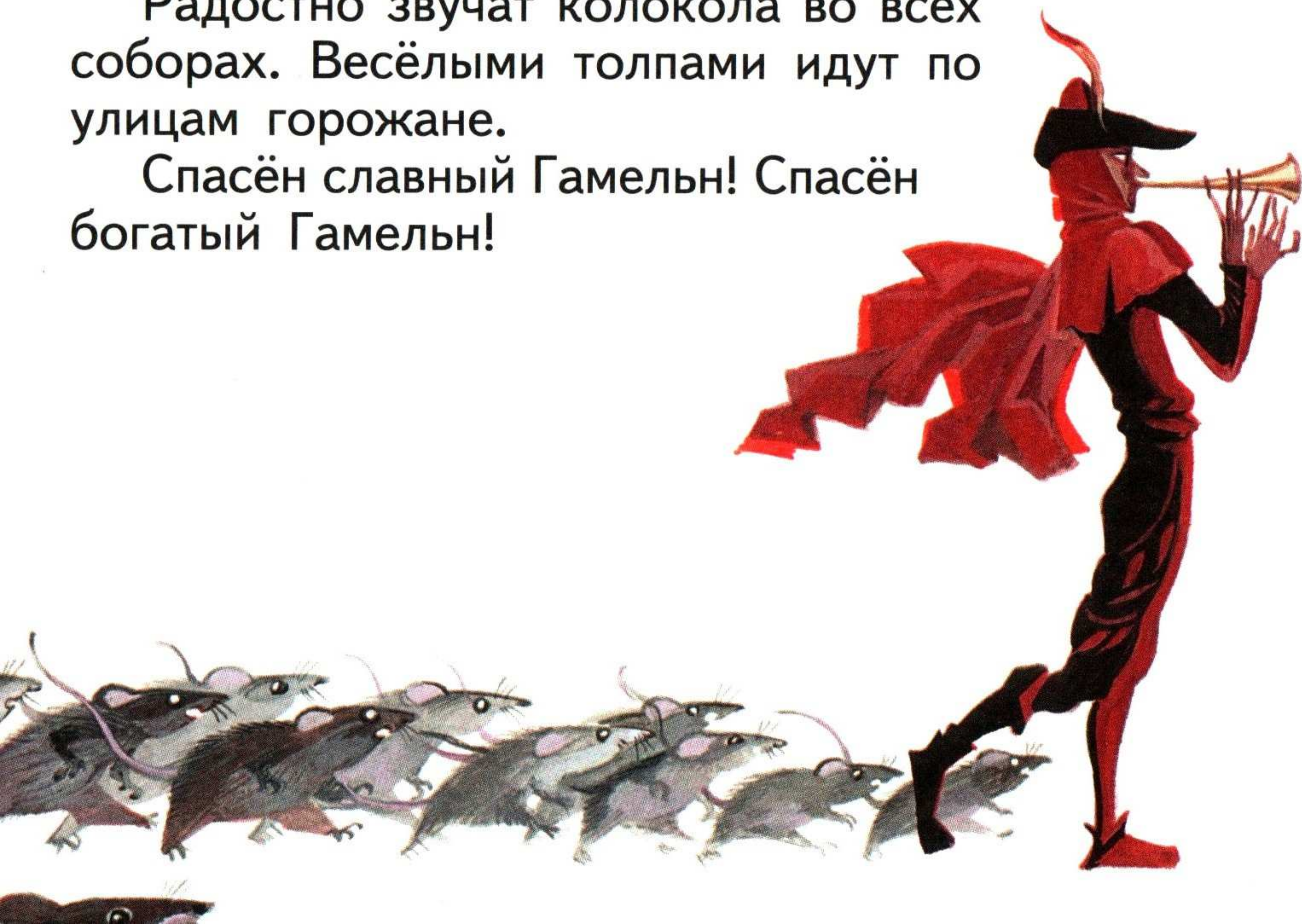
Через час прибежали в город пастухи. Перебивая друг друга, рассказали:

— Крысолов вышел на берег реки Везер. Прыгнул в лодчонку, которая покачивалась тут же, у берега. Не переставая играть на дудке, выплыл крысолов на середину Везера. Крысы бросились в воду и поплыли за ним, и плыли они до тех пор, пока не утонули все до одной. А было их такое множество, что из берегов вышел могучий Везер.

Ликует освобождённый от крыс город.

Радостно звучат колокола во всех соборах. Весёлыми толпами идут по улицам горожане.

Спасён славный Гамельн! Спасён богатый Гамельн!

В ратуше слуги разливают вино в серебряные кубки. Сейчас не грех и выпить.

Вдруг из-за угла появился крысолов и пошёл через площадь прямо к ратуше. Всё так же была у него в руке дудка. Только одет он был иначе: в зеленом костюме охотника.

Переглянулись бургеры. Платить? Э нет...

— Жилист и крепок этот крысолов, — шепнул бургомистр судье Каспару Геллеру, — такой хоть и хром, а унесёт всю казну...

Крысолов вошёл в ратушу. Никто и не поглядел в его сторону. Бургомистр отвернулся, Каспар Геллер уставился в окно.

Но, видно, крысолова было не так-то легко смутить. С ухмылкой вытащил он из-за пазухи мешок. Показался этот мешок бургерам бездонным.

— Я своё слово сдержал. Теперь дело за вами, — сказал крысолов. — Как договорились. Дайте мне столько золота, сколько смогу унести.

— Милейший... — Бургомистр в замешательстве развёл руками, оглянулся на судью Каспера Геллера.

— Вот как? Не кошель, не суму — целый мешок золота? — хихикнул

судья Каспер Геллер и в притворном испуге выпучил глаза.

Кто-то ещё негромко засмеялся. Вот как, значит, надо повернуть дело! Золото было обещано в шутку. А дуралей крысолов, видно, совсем ума лишился: поверил всему. Да ещё мешок приволок.

Тут захохотали все. Бургомистр, советники, цеховые старшины.

— Мешок золота?

— Ха-ха-ха!

— Целый мешок!

— А за что?

— За дурацкие песни? За дудку?

— Уморил!

— Золото ему подавай! А не хочешь ли пинка?

Долго смеялись бюргеры. А странный пришелец молча стоял. Не просил, не требовал обещанное, не спорил!.. Нет, он молчал.

Хитрец Каспар Геллер, с опаской косясь на крысолова, наклонился к уху бургомистра:

— Может, отсыпать ему горсть золота? Так... немного, для виду... А потом обложить податью людей победнее, кто вовсе не пострадал от крыс, потому что и так ничего не имел.

Но бургомистр от него отмахнулся. Откашлялся и голосом важным, но отечески ласковым сказал:

— Дело сделано. Надо, как обещано, расплатиться. По трудам и плата. Кошель серебра и выход из города через любые ворота.

А незнакомец тут же показал себя полным невежей. Кошелька не взял и, даже не поклонившись, повернулся спиной и вышел из зала. После него осталось слабое облачко серного дыма.

Развеселились бюргеры. Славно вышло: разом избавились и от крыс, и от крысолова.

Громко звонят колокола Святого Бонифация. Все бюргеры с жёнами и слугами отправились в собор к воскресной обедне.

И никто из них не слышит, что снова на площади запела дудка.

«Скорее! Скорее! Скорее! — поёт дудка. — Сегодня всё можно! Я поведу вас в зелёные рощи! На медовые заливные луга! Босиком по лужам! Зарыться в сено! Сегодня всё можно!»

Топот маленьких башмаков по деревянным лестницам, по каменным ступеням...

Из всех дверей выбегают дети. Бросив игру, бросив прялку, на бегу подтягивая чулок, дети бегут за крысоловом, жадно ловя звуки дудки.

Из каждого дома — дети. На каждой улице — дети.

Падают, разбивают коленки, потрут, подуют и бегут дальше. Весёлые, с липкими пальцами, за щекой сласти, в кулаке горсть орехов — дети, сокровище Гамельна.

Хочет отец ухватить малыша за руку. Да куда там! Со смехом проскользнул мимо, не удержишь.

По улице бежит дочь бургомистра Марта. Розовое платье раздувает ветер. А одна нога не обута, только один башмачок натянула в спешке.

— Марта, деточка, ты куда? — крикнула старая служанка.

Вот уже городские ворота. Дети с топотом пробежали по подъёмному мосту. А крысолов уводит их по дороге, мимо вересковых холмов всё дальше, дальше...

Шли годы.

Однажды забрёл в осиротевший Гамельн слепой странник.

За несколько медных монет пустил его трактирщик погреться у тёплого очага.

Слышал слепой, как стучат о деревянный стол кружки с пивом. И кто-то сказал:

— Откуда ты пришёл, старик? Потешь нас рассказом почуднее, и я, так и быть, поднесу и тебе кружку доброго пива.

И слепой старик начал рассказ:

— Много земель исходил я, и вот куда однажды привела меня судьба. Трудно слепцу вести счёт времени: по теплу, идущему от солнца, по холоду, идущему от ночного неба, отличаю я день от ночи. Долго блуждал я по дремучему лесу. Вдруг услышал я звон колоколов. Так, идя на этот звон, подошёл я к какому-то городу. Стражники не окликнули меня. Я вошёл в ворота и побрёл по улице. Чутко прислушивался я ко всем звукам, стараясь понять, не завела ли меня судьба в недоброе место.

И не мог я не подивиться. Слышал я вокруг себя только молодые голоса. Как птица, летал вокруг меня смех. Слышал я, как мяч ударялся о стену. Все голоса были звонкие. Все шаги лёгкие, быстрые. И тогда понял я, что этот город населён одними юношами и девушками. И показалось мне: сложен весь этот город из светлого камня и солнечных лучей.

Был я радушно принят в первом же доме, куда постучал. А когда спросил я, как зовётся этот город, странную сказку рассказал мне мой юный хозяин. Думаю, посмеялся он над бедным стариком, но я не сержусь на доброго юношу. Вот что рассказал он:

«Когда были мы маленькими детьми, увёл нас из родного города человек в зеленой одежде, игравший на дудке. Видно, был это сам дьявол, потому что завел он нас в глубину высокой горы. Но не допустил господь бог, чтобы дьявол загубил невинных детей. После долгих скитаний во мраке прошли мы сквозь гору и очутились в безлюдном, диком месте.

Тогда из лесу пришли лани и дикие козы и кормили самых маленьких своим молоком. Сначала жили мы все в шалашах, а потом стали строить город. И легко поднимали мы огромные камни, словно они сами хотели сложиться в стены и башни. А называли мы наш город — Гамельн, в память того

родного Гамельна, откуда увёл нас человек в зелёных одеждах с дудкой в руке...»

И когда кончил слепец свой рассказ, услышал он старческие вздохи, глухие рыдания, идущие из самой глубины души. Глухой кашель и стоны.

Тогда понял странник, что вокруг него одни старики. И весь город показался ему мрачным, печальным, сложенным из тёмного камня.

В волнении, прерывающимся от слёз голосами, стали спрашивать старики:

— Но где же, где же, в какой стороне лежит тот прекрасный, юный, светлый Гамельн?

Но ничего не мог им сказать нищий слепой странник.

Лоэнгрин

Умер старый герцог, повелитель Брабанта. Печально звучат погребальные колокола в соборе Святого Мартина. Толпа собралась на главной площади Анвера.

На коленях стоит перед гробом отца юная дочь герцога Эльза, целует его холодные руки. Безутешно рыдает она и не может утешиться. Белокурые косы Эльзы перевиты жемчугом, но ярче жемчуга блеснут на них ее слёзы.

— Ну не плачь так, голубка моя, — утешает её старая кормилица. — Что делать, на всё воля господня. Молись, Эльза! В память своего отца ты должна быть теперь мужественной и крепкой. Посмотри, как жадно глядят на опустевший трон рыцари и бароны. Не все печалются о почившем герцоге, многие, ох многие только и думают о том, как стать правителями этого богатого края.

Права была старая кормилица. Наступили тревожные времена. Подняли головы непокорные вассалы. Вспоминают былые обиды, бьются на мечах друг с другом, берут приступом замки, жгут селения, грабят и убивают, как простые разбойники.

Только сняла Эльза траурные одежды, как отовсюду потянулись к Анверу именитые рыцари просить руки молодой герцогини.

Эльзе недавно исполнилось пятнадцать лет, а слава о её красоте уже облетела весь Брабант и Лимбург.

И когда выходила она к гостям, все видели: не солгала молва и ничего не прибавила. Красавицей из красавиц была Эльза. Но ни с чем отбывали назад женихи.

Всем отказ. Молчит сердце Эльзы, а разум здесь не советчик.

С многочисленной свитой прибыл в замок прославленный рыцарь Фридрих фон Тельрамунд. В дальнем походе узнал он о смерти герцога Брабантского и поспешил в Анвер. Грозен видом рыцарь, огромный, широкоплечий, выше всех ростом. Поступь тяжёлая; кажется, шатается замок от основания до верхних башен, когда он идёт по залам и мраморным лестницам.

Никто не мог победить Тельрамунда на турнире, и в битве он всегда впереди других. А с тех пор как в горах Швеции убил он огнедышащего дракона, покрытого железной чешуёй, его слава возросла ещё больше.

В замке Анвер в присутствии всех рыцарей и баронов Брабанта объявил Тельрамунд, что ему по чести и по праву принадлежит рука Эльзы.

— Слушайте меня, благородные бароны! В день, когда герцогине Эльзе исполнилось пятнадцать лет, призвал меня к себе герцог Брабанта. «Чувствую я, что дни мои

сочтены, — сказал он. — Будешь ты супругом и защитником дочери моей Эльзы». С этими словами соединил он наши руки. Оба мы — я и герцогиня Эльза — поклялись исполнить его волю. Готов я сдержать своё слово, с тем и прибыл сюда.

Удивились ближайшие советники герцогини Эльзы. Никогда не говорил им старый герцог о том, что просватал свою дочь за Тельрамунда.

Беда Брабанту, если станет Тельрамунд его правителем. Жесток и алчен Тельрамунд. Да полно, правда ли это?

Все посмотрели на герцогиню Эльзу, все ждут её ответа.

Белее зимнего снега стала Эльза. Поднялась с трона и, вся дрожа, оперлась о руку старой кормилицы.

— Никогда еще не слыхала я столь лживых речей! Сватался ко мне граф Тельрамунд этой весной, но отец мой ответил ему отказом. «Храбрый ты рыцарь, граф Тельрамунд, нет спора. Но сердце у тебя холодное и жестокое. Никогда не будет моя дочь Эльза твоей женой!» — вот что сказал мой отец, герцог Брабантский, и в том я клянусь.

Тельрамунд сделал шаг вперед и обнажил свой меч.

— Ни слова не солгал я. А ты, благородная госпожа Эльза, опомнись и устыдись. Зачем порочишь свои юные уста

ложной клятвой! На своём рыцарском мече клянусь я: дала ты согласие и стала моей невестой.

Зашумели, заволновались бароны и рыцари. У многих не лежало сердце к Тельрамунду. Но поклялся он на мече. Разве можно не верить этой клятве, священной для каждого рыцаря?

— Скоро должен прибыть в Анвер король Генрих Птицелов. В присутствии самого короля повторю я эти слова и буду просить его рассудить нас, герцогиня Эльза, — сурово сдвинув брови, сказал Тельрамунд. — Справедлив король: он накажет тебя, клятвопреступница. Пока не поздно, одумайся, Эльза!

Но, взглянув на Тельрамунда, без чувств упала юная Эльза на руки верной кормилице. Подняла старуха сморщенное лицо, в гневе хотела сказать, что обманывает всех прославленный рыцарь, да не решилась. Только пробормотала с угрозой: «Будь проклят...»

Прошло немного времени, и в ясное воскресное утро загремели трубы на башнях Анвера, опустился подъёмный мост, и в замок въехал Генрих Птицелов во главе множества нарядно одетых пажей, баронов и рыцарей.

Герцогиня Эльза вышла навстречу королю. С великим почётом провели его в тронный зал. Стал король расспрашивать, как

было дело. Смело глядел королю в глаза Тельрамунд, твёрдо стоял на своём.

А робкая девушка смутилась, бессвязны были её ответы, а потом и вовсе замолчала и только заливалась слезами.

И тогда сказал король:

— Долг мой узнать истину, Эльза, герцогиня Брабанта. Через три дня на берегу Шельды состоится божий суд. Пусть тот, кто верит в твою невиновность, сразится за тебя с графом Тельрамундом. Ищи себе защитника, герцогиня!

По всем дорогам поскакали гонцы. В близкие королевства, в дальние замки послала Эльза гонцов. Но гонцы вернулись усталые, покрытые потом и пылью, с омрачёнными лицами — не сыскалось защитника для Эльзы. Даже старые друзья отца не захотели прийти к ней на помощь.

На третий день шумом наполнился широкий луг около Анвера. По всей стране прошёл слух: будут судить юную герцогиню. Все собрались сюда от мала до велика. Под могучей раскидистой липой сидел король Генрих Птицелов, кругом теснились рыцари и оруженосцы, а дальше, до самого берега Шельды, шумела толпа.

Было старое поверье, что, если лжец или обманщик приблизится к этой липе, словно гонимые диким вихрем, посыпятся листья с её ветвей.

Только подъехал к липе Тельрамунд, будто стая зелёных птиц, закружились в воздухе листья.

Но никто не осмелился напомнить королю о древнем предании.

Наконец в тёмных воротах замка показалась герцогиня Эльза. Была она в простом белом платье, светлые волосы волнами падали до самой земли. Сняла Эльза с себя драгоценные украшения: кольца, браслеты, ожерелья — и все раздала нищим и

странникам. Пусть не говорят люди, что спрятан на ней колдовской талисман.

Шёпот пробежал по толпе. Одни жалели юную герцогиню, а другие говорили: «Виновна она. Нарушила клятву».

Спустилась Эльза с холма на луг, опираясь на руку старой кормилицы, и остановилась перед королём.

Махнул рукой король Генрих Птицелов, и по его знаку выступили из толпы трубачи. Вскинули длинные трубы и затрубили, повернувшись на четыре стороны света. Потом на середину луга вышли герольды в пёстрых одеждах.

— Кто вступится за честь герцогини Эльзы Брабантской? — громко возгласили герольды.

И вот наступила великая тишина. Ветер кольцом лёг на землю, птицы умолкли. И этой тишины испугалась Эльза. Вздрагнула она, подняла голову.

Стоит она одиноко посреди луга. Взглядом прося защиты, посмотрела Эльза на седых баронов, на короля Генриха. Все они опустили глаза.

Значит, никто ей не верит. Даже самые преданные вассалы, которые сажали её на колени, играли с ней, когда была она ещё ребёнком. И поняла Эльза: нет у неё защитника. А если никто не заступится за неё, не захочет сразиться с Тельрамундом, признают её виновной, и тогда ждёт её страшная кара за клятвопреступление.

С тоской посмотрела Эльза вдаль, на тёмный лес, на безоблачное небо, на реку Шельду, как бы прощаясь с ними.

И вдруг что-то ярко блеснуло далеко на реке. Невольно вскрикнула Эльза.

Замерли все: плывёт вверх по Шельде белоснежный лебедь и везёт за собой золочёную ладью. Всё ближе и ближе царственный лебедь, и вот уж он подплыл к берегу. И увидели люди: спит в ладье юный рыцарь.

— Чудо! Чудо! — закричали все.

К реке бросилась толпа. Стали люди окликать рыцаря, но не пошевелился рыцарь, погружённый в глубокий таинственный сон.

Вдруг к ногам Эльзы опустился редкой красоты пёстрый сокол, в клюве держал он золотой колокольчик. Взяла колокольчик Эльза и позвонила.

И тотчас проснулся рыцарь, встал и сошёл на берег.

Ярко сверкнули на солнце его меч и щит.

Ни один человек из тех, кто стоял на берегу, не знал этого прекрасного светловолосого рыцаря. Никто никогда прежде не видел его герба — серебряного лебедя на лазоревом поле.

Весь цвет брабантского рыцарства собрался в тот день на лугу Анвера, но ни один из рыцарей не мог поспорить красотой и благородством осанки с рыцарем Лебедя. Глаза его смотрели прямо и твёрдо, и сам он словно светился.

— Позволь мне быть твоим защитником, Эльза, — сказал неизвестный рыцарь. — Клянусь богом, ты невиновна. Своим мечом я докажу это!

И, сняв перчатку с правой руки, он бросил её к ногам Тельрамунда.

С ненавистью посмотрел Тельрамунд на рыцаря, но нагнулся и перчатку поднял.

По обычаю, развели их на разные концы поля.

Рослые оружейники помогли Тельрамунду облачиться в тяжёлые доспехи. И изумились люди: как огромен и страшен Тельрамунд в своих тёмных доспехах, на широкогрудом чёрном коне. По знаку короля подвели рыцарю Лебедя белого скакуна.

Махнул рукой король Генрих. Затрубили в трубы герольды. И по их сигналу помчались навстречу друг другу Тельрамунд и рыцарь Лебедея.

С такой силой сшиблись противники, что кони их осели на задние ноги, и, казалось, содрогнулась земля. Разлетелись в щепу ясеновые копья.

Спешились рыцари, на мечах бьются они. Не однажды случалось Тельрамунду разрубать противника от темени до пояса. Со свистом рассекает воздух его меч.

Молнии быстрее сверкает меч рыцаря Лебедея, рассыпая серебряные искры.

От лязга и звона оружия птицы покинули гнёзда. Долго кружились они над деревьями, не смея опуститься.

К вечеру стали иссякать силы обоих бойцов. Тяжело, как кузнечный мех, дышит Тельрамунд. Устал и рыцарь Лебедея.

И когда уже стало солнце уходить за башни Анвера, последний луч задержался на мече рыцаря Лебедея. И будто этот луч, сверкнув на лезвии меча, вернул силы рыцарю Лебедея.

Страшный удар обрушился на Тельрамунда. Зашатался Тельрамунд, потемнело у него в глазах.

— Кончим бой — наступила глубокая ночь! — вскрикнул Тельрамунд и рухнул на землю. Лопнули ремни его шлема, далеко откатился шлем по траве.

— Чиста, чиста Эльза Брабантская! — прокатились радостные крики над широким лугом.

Рыцарь Лебеда приставил свой меч к горлу Тельрамунда.

— Ты оклеветал Эльзу Брабантскую, Фридрих фон Тельрамунд. Признаёшься ли ты в своей вине?

— Признаюсь, — глухо ответил Тельрамунд. — Пощади, рыцарь!

Повернулся рыцарь Лебеда к королю:

— Побеждён мой противник, пощады просит. Даруй ему жизнь, король!

— По справедливости смерти достоин Тельрамунд, — ответил Генрих

Птицелов, — но ты волен решать сам, жить ему или умереть.

— Я оставлю тебе жизнь, Тельрамунд, — сказал рыцарь Лебеда. — Но пусть отныне твой меч служит только доброму делу.

Двенадцать пажей подошли к Тельрамунду. С трудом подняли они своего господина, положили на носилки и унесли. Остался лежать на залитой кровью, истоптанной коными траве шлем Тельрамунда.

Радовались все вокруг Эльзы, но тревогой, страхом сжалось её сердце. Подумала она: «Что теперь будет? Вдруг уплывёт прекрасный рыцарь? Чего ждёт лебедь у берега?»

Но тут сказал король Генрих Птицелов:
— Рыцарь, не покидай молодую герцогиню Эльзу. Сам посуди: может ли девушка, нежная и слабая, править страной, где мужчины много бражничают за столом, быстро хватаются за мечи, а родовые замки переходят из рук в руки, как игральные кости? Земля Брабантская устала от распрей. Сеятель не может сеять, потому что не знает, соберёт ли он урожай. Рыцарь, хочешь ли ты взять в жёны Эльзу Брабантскую и быть ей защитником? А ты, Эльза, согласна ли стать его женой?

— Да, — тихо ответила Эльза, опустив глаза.

Но молча стоял рыцарь, устало опершись на свой меч. Наконец он прервал молчание и так сказал Эльзе:

— Нет для меня большего счастья, чем стать твоим мужем. Но знай одно: я не влас-тен открыть тебе своё имя. Навсегда останусь я для тебя рыцарем Лебедея. Можешь ли ты поклясться, что никогда не спросишь: кто я и откуда?

— Клянусь тебе, рыцарь! — торопливо сказала Эльза.

— Ещё раз подумай, Эльза, тяжела эта клятва.

— Клянусь, клянусь тебе, рыцарь! — повторила Эльза, и жарким румянцем вспыхнули её щёки. — Никогда не спрошу я тебя, кто ты и откуда! Поверь мне!

И лишь вымолвила она эти слова, как белый лебедь плеснул крылом и поплыл вниз по реке Шельде, увлекая за собой позолоченную ладью.

Торжественно отпраздновали в замке Анвер свадьбу герцогини Эльзы и рыцаря Лебеда.

В пиршественном зале собралось триста знатных гостей. Сам король Генрих остался в замке Анвер, хоть и ждали его неотложные дела. На возвышении под балдахином рядом с королём сидели молодые супруги. И гости говорили друг другу, что никогда не видели четы прекрасней этой.

Счастливо жила Эльза с рыцарем Лебеда.

Нередко муж её уходил с другими брабантскими рыцарями в дальние походы. Воювал он с гуннами и сарацинами и стяжал себе великую славу.

Мир воцарился на земле Брабантской. Не смели больше нападать на неё враги, молчали клеветники и завистники, опасаясь гнева повелителя Брабанта.

Любят рыцари бранные потехи. Рыцарь Лебедея был первым и на турнирах.

Однажды возле прекрасного города Антверпена был устроен большой турнир. Девять рыцарей одного за другим вышиб рыцарь Лебедея из седла. Девятым был герцог Клевский.

На длину копья отлетел он и, падая, сломал правую руку. С тех пор возненавидел герцог Клевский рыцаря Лебедея, а жена его, надменная и тщеславная Урсула, только и думала о мести.

Радостно праздновали крестины в замке Анвер. У герцогини Эльзы родился прекрасный мальчик. Гордый и счастливый ходил среди гостей молодой отец, держа на руках прелестного белокурого ребёнка.

Веселье царило за столом, кравчие не успевали подливать вино в золотые и серебряные кубки.

Вдруг доложили Эльзе, что прибыла герцогиня Клевская. Порадовалась Эльза: значит, забыла Урсула старую вражду.

Распахнулись двери зала, и вошла Урсула Клевская в чёрном, как ночь, платье. Чёрная мантия стелилась за ней по каменным плитам.

Поняла Эльза: не с добром пришла герцогиня. Усадила она гостью за стол на почётное место. Чуть пригубила вина Урсула из золотого кубка.

— Поздравляю тебя, Эльза Брабантская, с сыном и наследником! — усмехаясь, сказала она. — Но жаль мне тебя. Незавидна твоя судьба. Что ты ответишь сыну, когда он спросит тебя, как зовут его отца? Безродным вырастет твой сын. Не будут ли спрашивать его злоречивые люди: «В какой лачуге рождён твой отец?»

Вспыхнула Эльза от неслыханной обиды и гордо ответила герцогине Клевской:

— Пусть неизвестно имя моего мужа, но он покрыл себя славой. Ни разу ещё не был он побеждён.

В ярости прижала герцогиня Клевская ладонь к щеке, ей почудилось, что Эльза дала ей пощёчину, и, не сказав больше ни слова, вышла из пиршественного зала.

Когда же гости разошлись по своим покоем и Эльза с супругом остались вдвоём, сказал он ей:

— Дорогая, напрасно ты смутилась и опечалилась. Доверься своему чистому сердцу. Потому

что любовь — это доверие во всём и до конца. Что для тебя людская злоба?

— Не для себя, мой супруг, я хотела бы всё знать. Сердце подсказывает мне, что ты высокого рода. Но хочу я бросить твоё знатное имя в лицо недругам нашим, чтобы никто не мог унижить тебя и моего сына!

Грустно и тревожно посмотрел на неё рыцарь.

— Но, Эльза, если человек чист душой, никакой навет не может его унижить. Вижу я, ты хочешь узнать мою тайну. Остановись, Эльза, ты ступила на опасную дорогу.

Опустила голову Эльза и замолчала. На вторую ночь не сдержалась Эльза:

— Вырастет у нас сын, что я скажу ему, когда он спросит: «Как зовут моего отца?»

И ответил рыцарь:

— Имя человека — не пустой звук. Имя человека — это его подвиги и добрые дела. Моя слава заменит нашему сыну моё имя.

Ничего не сказала на это Эльза. Но не успокоилось её сердце.

Что бы ни делала она в тот день, чем бы ни была занята, смотрела ли в ясные глазки своего сына, всё время не переставая думала только об одном: как узнать ей имя своего супруга.

Всё время, не умолкая, звучали в её ушах слова герцогини Клевской: «Почему скрывает своё имя рыцарь? В какой лачуге рождён он?»

А на третью ночь подумала Эльза: «Не будет нам счастья, пока я не узнаю всего. Эта тайна убивает нашу любовь».

Всю ночь мучилась Эльза и не спала.

Раз усомнившись, она уже не могла совладать с собой. И подозрения одно страшнее другого приходили ей на ум.

И наконец не выдержала Эльза.

— Кто ты? Откуда? Скажи мне! — спросила она.

Спросила — и сама испугалась, помертвела. Сорвались с губ страшные слова. Она

нарушила клятву! И, задрожав, упала Эльза к ногам мужа.

— Нет, нет, молчи! Не называй своего имени. Я верю тебе. И больше никогда ни о чём тебя не спрошу...

— Поздно, Эльза! — ответил рыцарь. — Ты задала вопрос и нарушила клятву. Теперь я не властен молчать. Завтра на лугу перед Анвером в присутствии всех рыцарей и баронов я всенародно назову своё имя.

Взошло солнце и отогрело старые башни Анвера. Проснулся замок. Слуги, служанки засновали по лестницам. Весёлой толпой вошли придворные, чтобы приветствовать герцогиню и её супруга.

Но не было в это утро на свете двух людей печальнее, чем Эльза и рыцарь Лебедея.

Снова зазвучали трубы на башнях Анвера, сзывая всех собраться на лугу перед замком.

Удивились гости: почему сзывают их в такой ранний неурочный час? Что случилось в замке?

Вышли на луг герцогиня Эльза и рыцарь Лебедея. Бледнее своего белого покрывала была Эльза. Поняла она, что погибло её счастье. Ей показалось, что померкла небесная лазурь и поникли листья на старой заколдованной липе.

И когда в ожидании все взоры обратились на рыцаря Лебедея, сказал он:

— Узнайте же все. Имя моё Лоэнгрин. Отец мой — Парсифаль, король Монсальвата. Служат ему самые благородные в мире рыцари, защитники угнетённых и обиженных. Высоко в горах стоит замок Монсальват. Нет у него сторожевых башен и неприступных стен, как у ваших замков. Всегда гостеприимно опущен подъёмный мост. Настежь распахнуты ворота. Каждый путник там желанный гость. Но нечасто раздаются шаги на мосту Монсальвата. Тёмные мысли мешают человеку увидеть волшебный замок. Злые дела не дают к нему подняться.

Перед замком на высоком столбе висит колокол. Если творится в мире несправедливость, если кто-то нуждается в помощи, сам собой, без руки звонаря, начинает колокол звонить. Тогда один из рыцарей Монсальвата снаряжается в путь. Если спасёт он прекрасную девушку и они полюбят друг друга, может остаться с ней рыцарь Монсальвата, и будут они счастливы до конца своих дней. Но та, которую он спас, должна дать клятву, что никогда не спросит о его имени. Она должна довериться ему без тени сомнения и страха. Если же она нарушит клятву и спросит: «Кто ты?» — тогда рыцарь должен вернуться в свой далёкий замок Монсальват, увитый туманами.

Горестно вскрикнула Эльза.

Приказал рыцарь принести маленького сына. Поцеловал он его и прижал к груди.

— Любимая, наступил горький час разлуки, — сказал Лоэнгрин Эльзе. — Сейчас мы с тобой расстанемся навсегда. Назови сына моего Лоэнгрином. Это славное имя, и оно досталось ему дорогой ценой, ценой нашей разлуки. Ему оставляю я свой меч и щит. Они будут хранить его в битвах. А тебе я оставляю на память кольцо своей матери.

— Лебедь, лебедь! — вдруг закричали в толпе.

И увидели все: плывёт белоснежный лебедь по реке Шельде к Анверу, везёт пустую золочёную ладью.

— Монсальват зовёт меня! — воскликнул Лоэнгрин. — Прощай, Эльза, я больше не могу быть с тобой.

Бросилась к мужу Эльза, обняла его, не в силах разжать объятия. Лоэнгрин поцеловал её полные слёз глаза.

Потом, бережно высвободившись из её рук, взошёл на ладью. И лебедь, склонив голову до самой воды, тихо поплыл по течению, увлекая ладью за собой.

И пока не скрылась ладья за поворотом, пока ещё могли они видеть друг друга, в невыразимой печали смотрела Эльза на Лоэнгрина и смотрел Лоэнгрин на Эльзу.

Лорелея

Высится над Рейном серая гранитная скала. Сверху донизу бегут по ней тонкие серебристые жилки. В ясный солнечный день поблёскивают они, как живые змейки. А в туманный день густые облака укутывают серую скалу, не разглядишь вершины, и кажется она дикой и мрачной. Нет на скале ни выступа, чтоб ногу поставить, не растёт в трещине ни одного деревца, чтоб ухватиться рукой.

Ещё ни одному смельчаку не удалось подняться на высокую скалу над Рейном.

А внизу, в тени, тихо плещут волны, и не видно дна. Говорят бывалые люди: там, под скалой, бездонный омут. Бросишь камешек в зелёную глубину — будто зазвенит что-то. А это ударился камешек о хрустальную крышу прозрачного дворца.

Ещё говорят, что дворец этот построил сам старый бог Рейна. Весь дворец сложен из глыб хрусталя. Стайки разноцветных рыб всплывают и выплывают из окон дворца. Мягкие зелёные водоросли коврами устилают мраморные полы. Повсюду стоят вазы с прекрасными водяными лилиями. Гирлянды жемчуга свисают со стен. Но ничто не радует старого седобородого бога Рейна. От жизни в тёмном омуте стал он мрачным и нелюдимым.

Говорят, всё это истинная правда. В далёкие времена, бывало, приглашал старый бог Рейна отважных рыбаков погостить в его дворце. А потом отпускал на волю, наградив горстью бесценных жемчужин. Ну а рыбаки, вернувшись со дна омута, рассказывали о подводных чудесах своим детям и внукам.

У самой воды раскинулась рыбачья деревушка.

А на краю деревушки в ветхой хижине с потемневшей от дождей соломенной крышей живёт бедный рыбак с дочерью Лорой.

Кто не знает красавицы Лоры? Лишь распустит она свои длинные волосы цвета чистого золота и скроют они её убогую одежду: кажется, сама королева поселилась в нищем доме рыбака.

Далеко разнеслась весть о красоте Лоры.

Юноши со всей округи собираются под её окном. Издалека приходят, лишь бы увидеть, как огнём теплятся золотые волосы в глубине тёмной хижины, услышать, как поёт Лора. Много прекрасных песен знает девушка. Всё детство провела Лора на берегу Рейна. Потому и слышатся в её песнях шёпот водяных струй, вечерняя прохлада и игра солнечных лучей на волнах.

Но вот однажды под скалой на берегу Рейна увидела Лора незнакомого молодого

рыцаря. Рыцарь заблудился в лесу и вышел к реке на шум волн. Увидел Лору и застыл на месте. Не мог он понять, кто перед ним: водяная дева или лесная фея? С первого взгляда полюбил рыцарь золотоволосую Лору, а она полюбила его.

В этот день напрасно ждал Лору старый отец. Девушка не вернулась домой. Рыцарь увёз её в свой замок Штальэк, окружённый тёмным еловым лесом. Пять раз опоясывала дорога высокую гору, поднимаясь к замку рыцаря. На самой вершине горы высились башни замка, а над каменными воротами — герб: барс с разинутой пастью.

Стоит перед зеркалом Лора, смотрится в него и не может себя узнать. То на плечо склонит голову, то в шутку нахмурится, то погрозит себе пальцем, и красавица в зеркале, одетая в шёлк и бархат, повторяет каждое её движение.

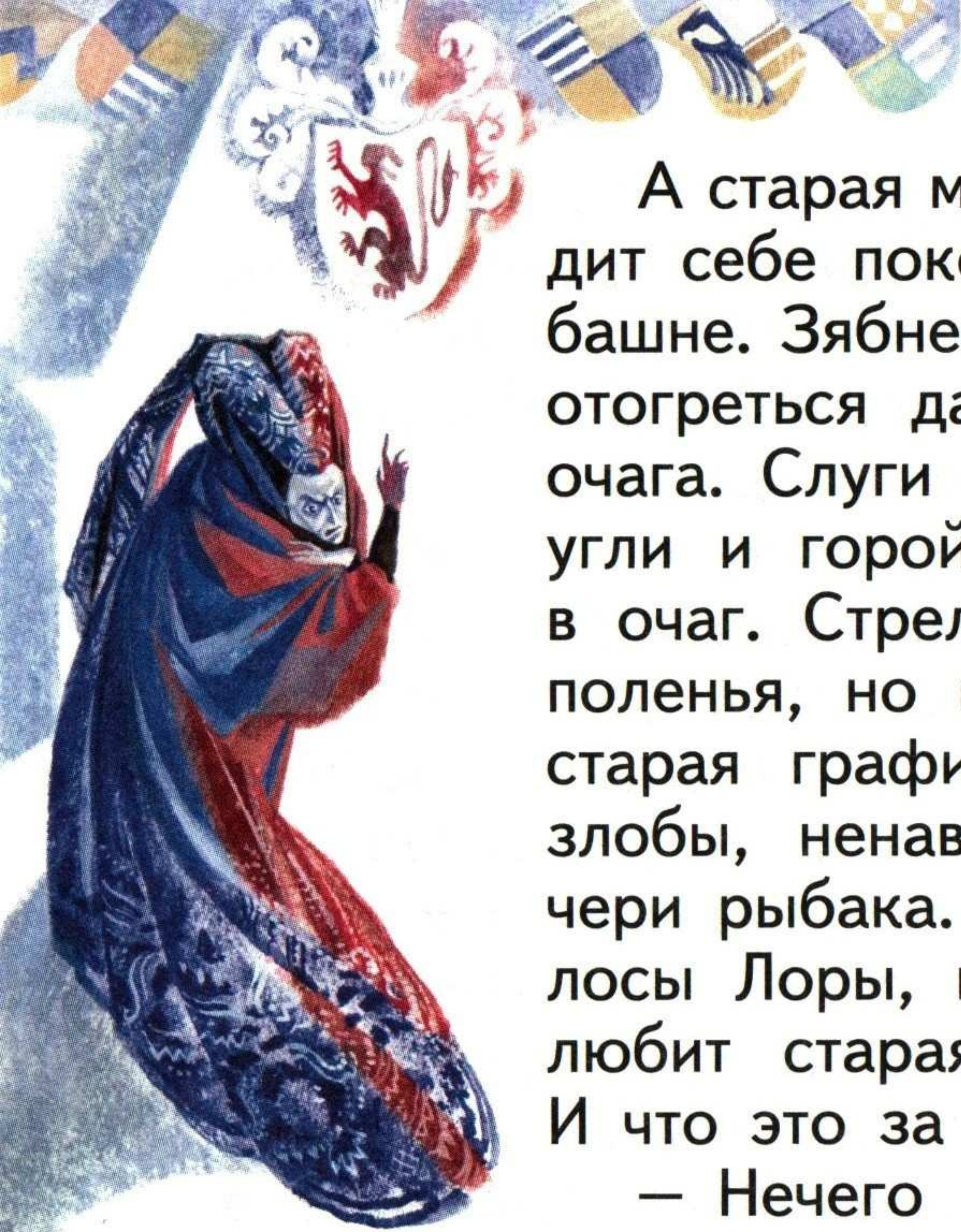
Полюбились рыцарю песни Лоры. Часто он просит:

— Спой мне, Лора.

Рука об руку гуляют они в тёмном лесу. Так ярко сверкают золотом волосы Лоры, что на чёрных вековых елях, как свечи, загораются капли смолы. Олени рогами раздвигают листву. Поближе подходят олени, чтобы послушать её песни.

Смеётся рыцарь и сжимает рукоять меча: уж он-то сможет защитить свою любимую и от разбойника, и от хищного зверя.

А старая мать рыцаря не находит себе покоя в своей мрачной башне. Зябнет, дрожит, не может отогреться даже у раскалённого очага. Слуги разгребают горячие угли и горой наваливают дрова в очаг. Стреляют искрами сухие поленья, но не может согреться старая графиня. Зябнет она от злобы, ненависти к бедной дочери рыбака. Золотом сияют волосы Лоры, но не такое золото любит старая владелица замка. И что это за приданое — песни?

— Нечего сказать, славную невесту привёл ты в мой замок, дочь простого рыбака. В волосах её запуталась рыбья чешуя, оттого они так и блеснут, — говорит графиня рыцарю. — От стыда потускнел наш гордый герб. Видно, забыл ты, что в родстве мы с самим королём. Позором хочешь ты покрыть наш знатный род. Разве нет у тебя невесты? Прекрасна она лицом, богата и к тому же дочь знатного рыцаря. Ну что же, воля твоя. Женись на дочери рыбака. Но пусть моё проклятье будет вам свадебным даром.

Опустив глаза, слушает рыцарь суровые речи старой графини. Любит он прекрасную Лору, но и матери ослушаться не смеет. Во всём покорен её воле. Испугался материнского проклятья.

А старая графиня греется у огня, больше не зябнет. Сделала недоброе дело, теперь ей тепло у очага.

Сказал молодой граф Лоре, что выследили охотники в лесу матёрого волка. Уехал со своими рыцарями и оруженосцами. В красном свете факелов чужим и страшным показалось Лоре лицо любимого. Всадники выехали со двора замка со смехом и свистом.

Смотрит Лора из окна башни. Не видит она всадников, но видит огни их факелов. Не в лес, а в другую сторону по крутой горной дороге поскакал рыцарь со своей свитой.

Тоскует Лора, от недоброго предчувствия сжимается сердце.

Тяжело отворилась высокая дверь, и вошла старая владелица замка. Движение руки — исчезли слуги.

Старая графиня медленно подошла к Лоре:

— Жаль мне тебя, Лора, красивое ты дитя, и потому хочу я сказать тебе правду. Мой сын обманывает тебя. Не на охоту поехал он. Торопился с друзьями к своей невесте. Повёз ей свадебные дары — уже не за горами их свадьба. Нечего больше тебе делать в замке. Впрочем, хочешь посмотреть на свадьбу моего сына — оставайся. Поможешь служанкам на кухне. Много будет у них дел, а твои руки привыкли к чёрной работе.

Всё поплыло перед глазами Лоры: свечи, старая графиня, тёмная дверь в глубине зала...

Рванула Лора алмазное ожерелье — рассыпались драгоценные камни по ковру. Сорвала с пальцев кольца, с рук — браслеты, всё бросила к ногам старой графини и убежала из замка.

Всю ночь бежала она по чёрному лесу. Ухал филин во мраке и тяжело летал над её головой. Выли дикие звери. Но только одного боялась Лора: повстречать молодого графа. Увидеть, как, переполненный радостью и счастьем, возвращается он от своей невесты.

Только на рассвете добралась она до родной деревни. Отец встретил её на пороге дома. Но не ласково, а грозно взглянул

он на Лору, и она опустила голову. Опозоренной дочери нет места под его кровом.

А у всех ворот соседки. Показывают на неё пальцами, смеются:

— Что, недолго побыла ты графиней?

— Где твои парчовые платья? Где золотые серьги?

— Что ж ты не идёшь к венцу с молодым графом?

Целый день бродила Лора по лесу, а к вечеру вышла на берег Рейна, туда, где в первый раз увидела она рыцаря. На страшное дело решилась Лора: утопиться в глубоком омуте.

Луна висит над Рейном, тиха и неподвижна гладь омута. Но вдруг взволновались воды, вздулись, запенились.

Из самой глубины омута медленно поднялся старый бог Рейна.

Вот он какой, старый повелитель Рейна! Высунул из воды голову и плечи. В лунном свете горит хрустальная корона. Длинные зелёные водоросли и речные травы свисают с головы. Ракушки облепили плечи. В бороде играет стая серебристых рыбок. Без страха смотрит на него Лора. Чего ей теперь бояться? Всё самое страшное с ней уже случилось.

И тогда сказал старый бог Рейна:

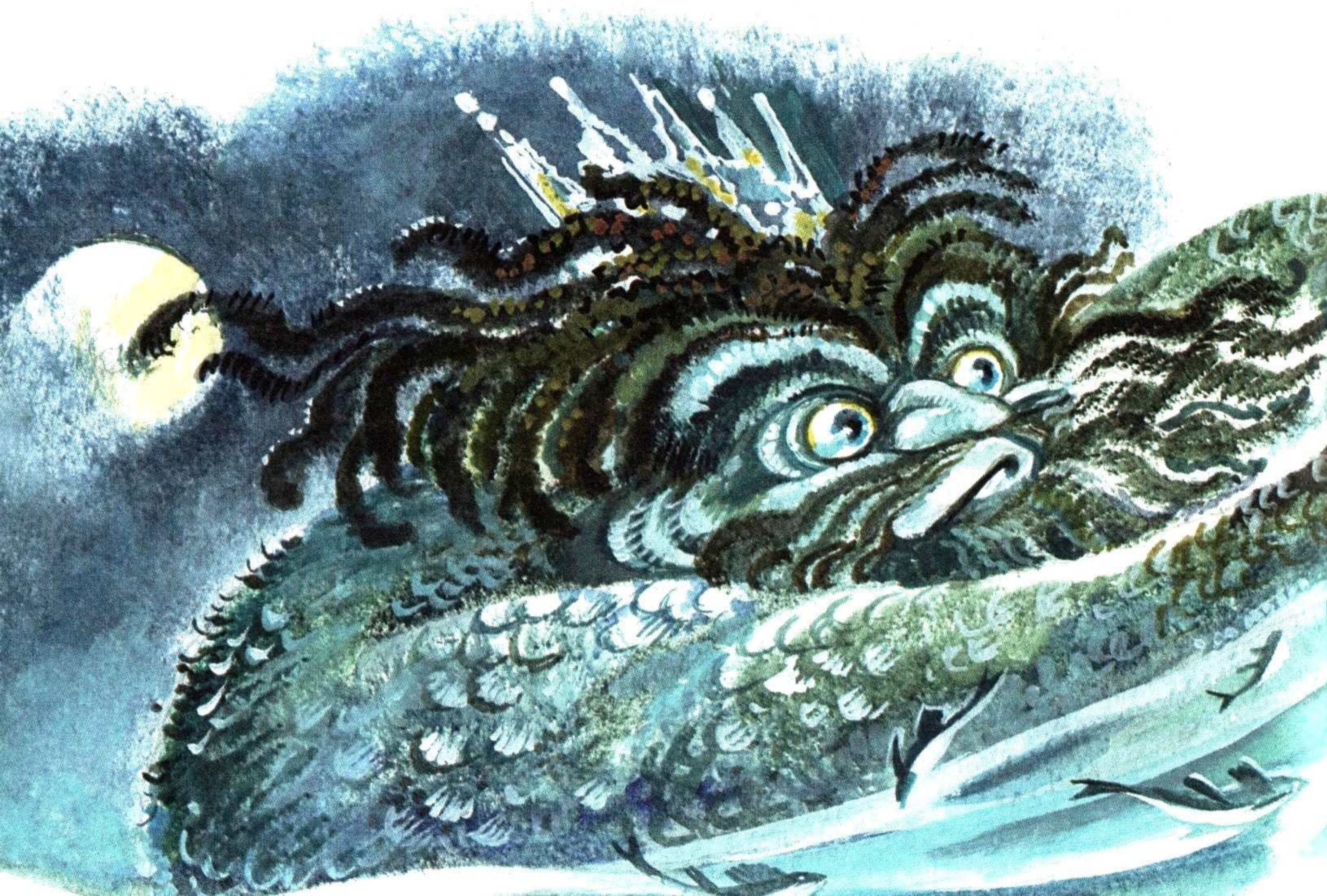
— Знаю, люди жестоко обидели тебя. Но моя обида не меньше твоей. Слушай, красавица! Когда-то я царил над всей здешней

страной. Низко кланяясь, приходили ко мне люди. С песнями бросали в воду драгоценности, золотые и серебряные монеты, венки из цветов. Молили, чтобы я наполнил их сети рыбой и пощадил их утлые лодчонки. Но прошло время, и люди забыли меня. Всёотняли у меня: и славу, и мощь. Если ты согласишься, вместе мы сможем славной отомстить людям. Дам я волшебную силу твоим песням. Но знай, Лора, в сердце твоё не должна проникнуть жалость. Если проснётся в нём любовь, если ты прольёшь хоть одну слезу, ты погибнешь.

И, не помня себя от горя, сказала Лора: — Да, я согласна.

Шевельнул плечами старый бог Рейна, поднялась огромная зелёная волна, подхватила Лору и, не обрызгав платья, не

намочив её башмаков, вознесла на самую вершину неприступной скалы.

Схлынула волна. Погрузился в омут старый бог Рейна. А под скалой запенился, забурлил гибельный водоворот.

По всей стране прошёл слух: злой волшебницей стала дочь рыбака Лора. На закате, убранная речными жемчугами, появляется она высоко-высоко на скале и чешет золотым гребнем свои золотые волосы. Пламенем горят они в лучах заката. Стали звать эту скалу Ло-ре-лей — скала Лоры. Лорелеей прозвали и саму волшебницу.

Горе тому, кто услышит песню Лорелеи. Бог Рейна дал чудесную власть её песням, а ей самой дал забвение. Окаменело её сердце, незрячим взором смотрит она вниз с крутизны. Никто не может противиться красоте её песен.

Нищему о королевском богатстве поет Лорелея. Рыцарю обещает победу и славу. Покой — усталому. Любовь — влюблённому. Каждый слышит в её песнях то, чего жаждет его душа. Гибель несут песни Лорелеи. Околдует её голос, заморозит, а потом поведёт за собой, заманит в страшный водоворот. Прочь отсюда, рыбак! Берегись, пловец! Если услышишь её песню — ты погиб!

Рыбак бросил вёсла, и его лодку сносит течением. Забыв обо всём, околдованный песней, смотрит он вверх на Лорелею.

Водоворот безжалостно схватил, закружил лодку. Нет спасения!

А рыцарь возвратился домой от своей невесты и, не найдя в замке своей любимой, затосковал смертной тоской.

Опостылели ему пиры и охоты. Теперь ему ненавистно даже имя его знатной невесты.

Не умолкая, звучит в ушах рыцаря голос его любимой.

Рыцарь бродит по тёмным залам. Вспоминает: у этого окна стояла она, в это зеркало смотрелась, а на этой крутой лестнице споткнулась она, и он успел подхватить её на руки.

— Зачем вы прогнали её, матушка? — говорит он старой графине, которая дрожит в мехах и бархате у раскалённого очага и уже больше никогда не согреется.

В далёкие южные страны в крестовый поход отправился молодой граф. Долгие годы длились его странствия. Но больше, чем полученные раны, жжёт и гложет его тоска.

Рыцарь вернулся домой.

Старая мать умерла, не дождавшись встречи с сыном.

Всё в замке потускнело, обветшало, истлел флаг на башне, и неразличим герб над воротами. Травы подползли к дверям, пробились между плитами.

Далеко по Рейну плывёт недобрая молва о золотоволосой колдунье на скале.

Странствующие рыцари, захожие путники разносят эти слухи по всем дорогам. Об этом шепчутся слуги в замке.

Отчаяние и ярость охватывают рыцаря. От горя и тоски мутится разум. Его Лора!.. С мечом бросается на каждого, кто осмелится сказать при нём, что Лора — колдунья.

От страха сжался за дверью верный паж. Один заперся рыцарь в своих покоях. Доносятся оттуда грохот и лязг. Мечом в щепу изрубил рыцарь тяжёлый стол, разбросал золотую утварь.

Нет, больше его никто не удержит. Ни чьих советов не послушается он. Даже если тень матери встанет из могилы, ей не остановить сына. Граф приказал оседлать коня.

Быстро скачет конь по крутой дороге. Тут бы попридержать коня, а рыцарь ещё вонзает шпоры в покрытые пеной бока.

Красным закатным огнём горят вершины гор. Рыцарь выехал на берег Рейна. Но никто из рыбаков не соглашается вести его к скале Лорелеи. Граф обещал им все свои богатства, всё, чем он владеет, но жизнь им дороже.

Бросив рыбакам кошель денег, рыцарь прыгнул в лодку и сам взялся за вёсла. Издали услышал он знакомый голос. Слабо, с перерывами доносит его ветер. Скорей, скорей увидеть любимую. Рыцарь

в нетерпении изо всех сил налегает на вёсла.

Всё громче звучит песня Лорелеи. Слышится рыцарю: к себе зовёт его Лорелея, торопит. Всё простила она. Счастье, радость встречи ближе, ближе с каждым ударом вёсел!..

Кажется рыцарю: не по воде, по облакам плывёт лодка. Нет, это не волны — голос Лорелеи плещется вокруг него, переливается через борт. Это не воздух, не ветер — это голос Лорелеи. Спят глаза золотые волосы...

— Лора! — крикнул рыцарь.

Миг — и водоворот волчком завертел лодку, столбом поднимая брызги вокруг брошенных вёсел, и ударил её о скалу.

И вдруг умолкла Лорелея. На полуслове оборвалась песня. Будто разбудил её голос рыцаря. В ужасе глядит Лорелея: тонет рыцарь. Вот мелькнули его голова и руки среди бушующей пены. Водоворот затягивает его. Слезы обожгли глаза Лорелеи. Видит она: рыцарь не борется с волнами, не хватает за обломки лодки.

Об одном лишь думая — спасти любимого, — протянула руки Лорелея. Ниже, ниже наклонялась она и вдруг сорвалась со скалы и упала. Длинные её волосы поплыли по воде золотым кругом, намокая, темнея. Вместе скрылись в волнах Лорелея и рыцарь.

И тогда донёсся со дна отдалённый глухой удар. Говорят, это рухнул хрустальный дворец старого бога Рейна.

С тех пор никто больше не видел старого бога. Окрестные жители давно забыли его.

А Лорелею помнят. Живы ещё рассказы о её золотых волосах, дивных песнях и злосчастной судьбе.

Говорят, и теперь ещё иногда в часы заката является Лорелея на скале и чешет гребнем свои длинные золотые волосы. Стало совсем прозрачным её тело, еле слышным стал голос.

Скалу эту и в наши дни называют «скала Лорелеи».

Фауст

Ночь опустилась на старинный город Виттенберг. Густой туман окутал высокие шпили спящего собора. А уж в узких улочках, где с трудом разминутся два всадника, сгустилась такая темнота, что хоть глаз выколи.

Нигде ни огонька. Только высоко в башне, стоящей одиноко в стороне, светилось одно окно.

Там, в башне, жил доктор Фауст, прославленный учёный, математик, врач, алхимик. Сегодня ночью, как всегда, он допоздна засиделся над книгами при свете одинокой свечи.

Посреди комнаты с низко нависающими сводами стоял дубовый стол, уставленный круглыми колбами, мраморными ступками, гнутыми ретортами с журавлиными носами. Тут же стояли песочные часы.

На стенах висели связки сухих целебных трав и корней. И книги, книги с полу до потолка. Верхние полки было не разглядеть, всё скрывала темнота.

Очаг давно погас. Из углов тянуло промозглым холодом. Фауст сидел в кресле, закутавшись в потёртый плащ.

— Я промёрз до костей. Проклятая старость... Кровь не греет меня.

Фауст начертал рукой в воздухе магический знак, и в тот же миг дубовые поленья в очаге вспыхнули сами собой. Из пламени выглянула и весело заплясала золотистая саламандра — дух огня. Она дружелюбно потянулась к Фаусту, глядя на него сверкающими глазками.

— Саламандра... — со вздохом проговорил Фауст. — Ты скрашиваешь мои одинокие вечера. Из всех духов стихий я люблю тебя больше всего. Духи воды — холодны и равнодушны. Духи воздуха — летучи и непостоянны. Дух земли слишком могуч и грозен, он страшит меня. А ты, моя дорогая, каждый вечер согреваешь меня и стараешься хоть немного развеять невесёлые думы. Но если бы ты знала, какая смертельная тоска гнетёт меня...

Саламандра замерла, свесив огненный хвост, наклонила головку и, казалось, внимательно слушала Фауста.

Дверь скрипнула, просунулась рука с горящей свечой, и в комнату вошёл ученик доктора Фауста — Кристоф Вагнер.

— Вы ещё трудитесь, дорогой учитель? Может быть, я неосторожно прервал нить ваших мыслей?

— Она порвалась сама собой, мой друг, — тихо ответил Фауст.

— И вам не удалось прийти к выводу, который достойно увенчал бы труды этого дня? Как жаль!

— Нет, напротив, к выводу я пришёл. Более того, я узнал итог всей моей жизни.

— Неужели? Он, должно быть, необъятно велик! Поведайте мне о нём, учитель.

— Скажу в двух словах: я — невежда!

От неожиданности Вагнер чуть не уронил подсвечник.

— Как — невежда? — ахнул он. — И это говорит Иоганн Фауст, доктор богословия, краса и гордость нашего Виттенбергского университета?

— И всё-таки я только невежда! Трижды неуч!

— Ушам своим не верю!

— Да, да, я жалкий неуч! Слава моя не по заслугам.

— Доктор Фауст — неуч! Разве не изучили вы языки латинский, древнегреческий, арабский, халдейский, французский, английский, испанский? И, наконец, разве не познали вы искусство магии? Стоит вам прочесть заклинание, и духи природы покорны вашему зову.

— Послушайте, Вагнер! Я подобен человеку, который стоит на берегу океана и собрал полную горсть цветных камешков. Это всё, что подарили ему морские волны. Где-то там, за горизонтом, лежат неведомые страны, прекрасные острова, но нет у него корабля, чтобы достичь их. О пыльные книги,

неужели я никогда не узнаю больше того, что написано на ваших страницах? Как я любил вас и как сейчас ненавижу!

— Что я слышу! Книги, которые вам стоили столько денег! Книги, привезённые из Италии, Франции, Англии, выкопанные из земли, выкупленные из монастырей! Книги, которые вы завещали мне как самому достойному из ваших учеников! Но я вижу, вы устали, вам нужно отдохнуть в тёплой постели. Доброй ночи, доброй ночи, досточтимый доктор!

И Вагнер, прихватив свечу, тихо закрыл за собой дверь.

В отчаянии Фауст опустил седую голову на скрещённые руки.

— Жизнь подошла к концу, я немощный старик, но так и не разгадал ни одной загадки Вселенной, — горестно прошептал он. — Истина так же далека от меня, как и в начале пути. Вот книги, которые я написал, но больше я к ним не прикоснусь. К чему доживать остаток дней, терзая себя и тоскуя? Несчастный Фауст! Выпить этот яд, вот всё, что тебе осталось!..

Саламандра взвилась в воздух и повисла, качаясь, на языке пламени, не сводя с Фауста сверкающих глаз.

Фауст тяжело встал, налил в тонкий бокал прозрачного виноградного вина. Потом достал с полки хрустальный флакон и капнул в бокал три мутные, тягучие капли.

Вино забурлило, запенилось и вновь стало прозрачным.

— Этого достаточно. Ты умрёшь, Фауст, и что тебя ожидает в той жизни — ещё одна загадка, — проговорил он дрогнувшим голосом. — Прощай, жизнь, потраченная напрасно! Я стремился к знанию, стремился открыть тайны Вселенной и пришёл к пустоте...

Фауст уже поднёс к губам бокал с ядом, но вдруг саламандра, встав на хвост, вытянулась и кончиком языка коснулась бокала. Стекло разлетелось вдребезги, отравленное вино пролилось на каменный пол.

— Ты спасла меня, саламандра, но зачем, зачем? — горестно воскликнул Фауст.

— Может быть, для того, чтобы вы встретились со мной? — слышался позади Фауста негромкий насмешливый голос.

Саламандра метнулась прочь, огонь в очаге погас. Свеча ярко вспыхнула и погасла, будто её задул резкий порыв ветра.

— Чей голос я слышу? Это вы вернулись, Вагнер? — повернувшись, спросил Фауст.

— Ученик ваш Вагнер уже надел ночной колпак и пьёт настойку, укрепляющую память, — ответил всё тот же голос.

— Но кто же вы? Где вы? Свеча погасла, здесь дьявольски темно.

— Ну вот видите, вы уже догадались! Имя названо, доктор Фауст! — прозвучало из пустоты.

При этих словах Фауст невольно вздрогнул.

— Не приближайся ко мне, исчадие ада! — Фауст поднял руку, словно отгораживаясь от страшного голоса.

— Что так грозно? Я, правда, прибыл сюда без приглашения, но, согласитесь, вовремя. Ваш покорный слуга — Мефистофель!

— Зачем ты здесь? Я не звал тебя. — Дрожь пробежала по телу Фауста.

— Ваш крик отчаяния достиг до глубин преисподней. Такой великий ум, как доктор Фауст, и вдруг погибнет напрасно! Фауст выпьет отравленное вино! О нет, нет! Позвольте предложить вам дружескую сделку. Я поступлю к вам на службу и открою вам все тайны Вселенной. Сделайте последнюю попытку, доктор!

— Но что ты можешь? Что ты знаешь?

— Я многое могу. Испытайте меня. Хотели бы вы для начала совершить прогулку по небу и взглянуть на звёзды вблизи?

— Взглянуть на звёзды вблизи? Разве это возможно? Но если возможно... Адский дух, где ты? Я больше не боюсь тебя.

— Трижды назовите меня по имени.

— Мефистофель! Мефистофель! Мефистофель! Явись, я хочу тебя видеть! — воскликнул Фауст.

И тотчас откуда-то из-под пола вырвался туманный столб и стал ходить кругами,

рассыпая вокруг багровые искры. В воздухе запахло серой.

Где-то жалобно завывала собака, заухали совы. Зашумели деревья, словно шарахнулись в сторону от башни.

Туманный столб сгустился.

Перед Фаустом в тускло-красном световом кругу стоял высокий, тонкий, как прут, незнакомец. Он был одет в алый шёлковый камзол, на голове берет с пером, шпага на перевязи, расшитой золотом, за плечами широкий плащ... Щёголь, да и только!

Лицо смуглое, с орлиным носом. Сверкающие, косящие глаза. Одна бровь вздёрнута кверху, словно с постоянной насмешкой.

— Но не будем терять время, Мефистофель! Звёзды, звёзды! Или ты пошутил? Тогда оставь меня! — нетерпеливо воскликнул Фауст.

— Извольте садиться! Возок подан, — сказал Мефистофель.

Послышался свист и грохот.

Фауст увидел, что по небу летит повозка. В неё были впряжены два дракона с когтистыми лапами и длинными хвостами. При свете луны чешуя драконов переливалась всеми оттенками от дымно-серого до густо-чёрного. Из широко открытых пастей валил дым. Повозка подлетела к башне и остановилась.

Мефистофель помог доктору Фаусту сесть в повозку. Сам он тоже уселся рядом.

— Гей, гей! — крикнул Мефистофель и взмахнул бичом. — Вверх — и во весь опор!

Драконы взвились вверх. Фауст взглянул вниз — там, внизу, синело море, два больших острова виднелись в нём.

— Сардиния и Корсика, — показал на них Мефистофель, — а вот пустыни Аравии. Скоро мы увидим Индию.

— Вели драконам лететь выше, прямо к звёздам! — воскликнул Фауст.

— Повинуюсь, а жаль! Я показал бы вам в Индии немало чудес.

Мефистофель щёлкнул бичом. Вокруг всё потемнело. Земля стала похожа на большой глобус, освещённый только наполовину. Фауст искал взглядом материки и океаны, но почти ничего не мог угадать за пеленой облаков.

Казалось, не он летит, а Земля убегает от него в чёрную даль. И вот перед ним появилась Луна.

— Сворачивайте направо! — крикнул Мефистофель драконам. — Ослепли вы, что ли!

Вперёд, вперёд! Перед Фаустом возникла Венера — Утренняя звезда, большая, как Земля. А дальше — маленький Меркурий. И Солнце, огромное Солнце, исполинское Солнце!

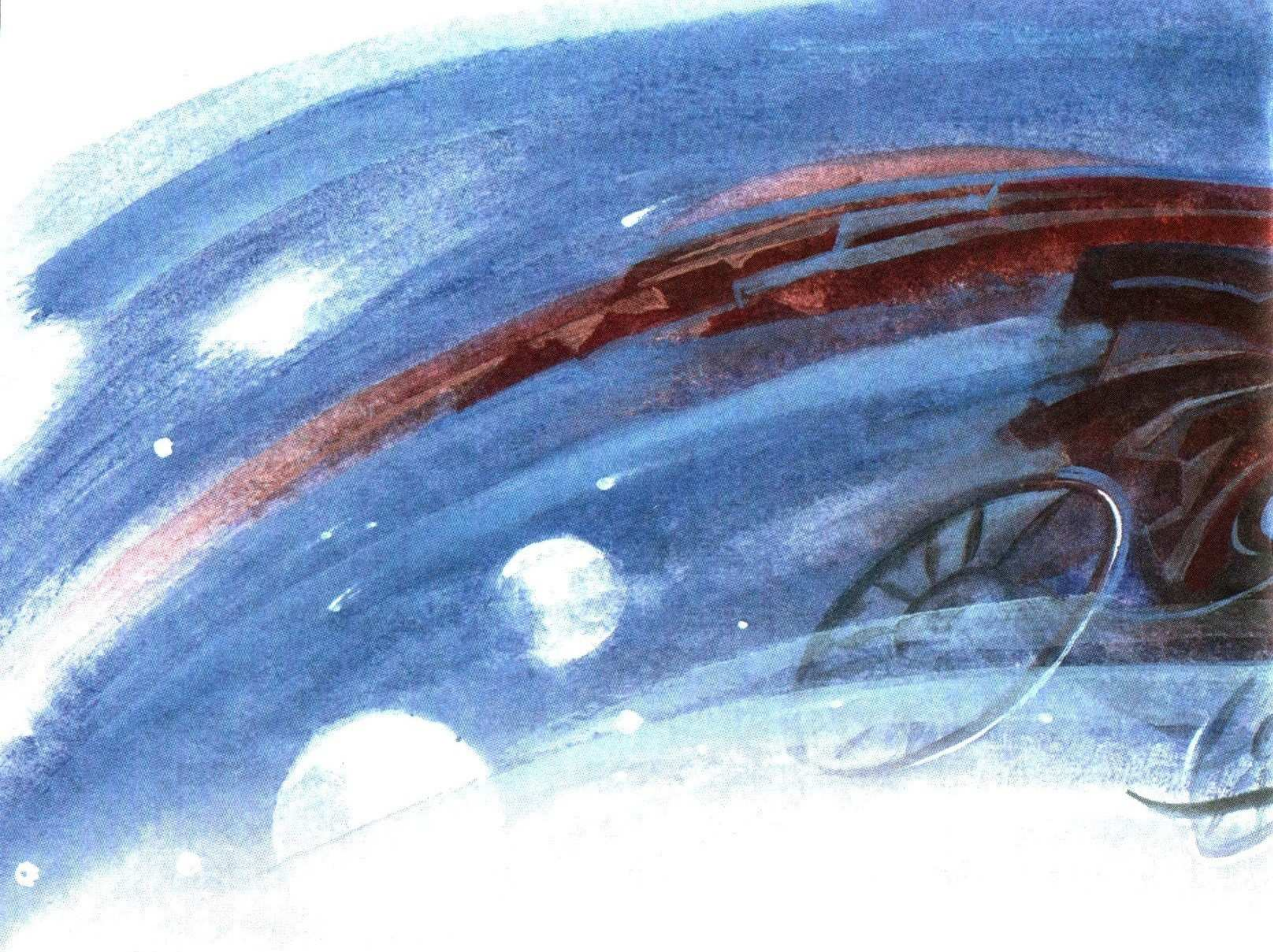
— К Солнцу, ближе к Солнцу, я хочу поглядеть на него! — потребовал Фауст.

— Эге, вы ненасытны, доктор Фауст! Осмелюсь доложить, я — земной дух, и Солнце страшит меня. Да и драконы мои еле дышат. Того гляди, загоним их. Вот будет штука, если мы не вернёмся на Землю. Тпр-ру, проклятые, поворачивай назад!

Фауст нехотя уступил. Внизу снова появилась Земля.

Запалённые драконы высунули языки. Земля летела навстречу, Фауст невольно ухватился рукой за край повозки.

Было уже далеко за полдень, когда повозка подлетела к башне Фауста.

— Ну, что скажете, доктор? Какова поездка? — спросил Мефистофель. — Нанимаете меня в слуги?

— Согласен. Я согласен!

— Тогда пишите договор. Я буду верно служить вам. Сколько? Скажем, двадцать четыре года. Вам как раз исполнится сто лет для ровного счёта. Я привык считать время на столетия.

— Двадцать четыре года прожить дряхлым стариком?

— О, у меня наготове чудесный перстень! Как только вы наденете его на палец, к вам снова вернётся молодость.

— И ты будешь исполнять любое моё желание?

— Только шепните.

— А когда кончится срок договора?

— Ну что ж, тогда вы будете служить мне. Каждому свой черёд.

— Ты хочешь купить мою душу, чтобы бросить её после моей смерти в пылающее жерло ада?

— Не так просто, доктор. Я сделаю для вас новое, стальное тело, и вы совершите ещё много славных дел: само собой, уже приказывать буду я!

— Но зачем я нужен тебе?

— Вы очень скромны, доктор. Клянусь, никого не ценю я больше, чем вас. Что перед вами императоры и короли, воины и князья церкви! Вы для меня бесценное сокровище, доктор Фауст.

— Дивлюсь, но не спорю.

— Итак, вот перо, пергамент и нож, острый как бритва.

— Нож?

— Да. Надрежьте себе палец на левой руке и напишите договор своей кровью. Иначе он не имеет силы.

Фауст поморщился и слегка надрезал себе палец. Упало несколько тяжёлых тёмных капель крови. Фауст смочил перо и медленно начал писать:

«Я, Генрих доктор Фауст, заключаю договор с демоном ада Мефистофелем.

Мефистофель обязуется с этого дня верно служить мне двадцать четыре года. По первому моему желанию он должен мгновенно перенести меня туда, куда я пожелаю».

Перо скрипело по бумаге, выводя букву за буквой.

— Бери, вот договор, и на нём моя подпись.

Фауст невольно вздрогнул, отдавая Мефистофелю договор.

— Прекрасно, а я приложу печать — мой коготь.

Вдруг послышалось громкое карканье, и большой ворон схватил своим клювом договор и улетел.

— Что это значит? — вскричал доктор Фауст.

— Это значит, что владыке ада Вельзевулу не терпится получить договор в собственные руки. Но вы шатаетесь от слабости, доктор. Наденьте-ка перстень.

И Мефистофель подал Фаусту перстень, покрытый непонятными знаками. Фауст надел кольцо на палец. Сердце его страшно забилося... И вдруг Фауст почувствовал удивительную, давно забытую лёгкость в теле.

Глаза его теперь так ясно видели, словно весь густо запылённый, закопчённый мир был начисто вымыт свежей водой.

Фауст побежал вниз по винтовой лестнице, перепрыгивая через две-три ступени.

— Ого, какая прыть! Вы, доктор, кажется, забыли, что я хром. Осторожно!

Фауст распахнул дверь в свой кабинет — и замер на пороге. Теперь, после полёта по вольным просторам, он показался ему тёмной щелью.

— Как мог я прожить столько лет в этом каменном мешке, когда на свете есть города и горы, реки, леса и поля! И люди! Недаром говорят: «Книгу природы надо пройти ногами. Что ни страна, то страница». Я слишком долго прятался от людей в своей каменной башне. Идти к ним, говорить с ними, узнать их радости и беды — вот что теперь хочу я! О, если б я не был так стар!

— Взгляните-ка сюда. — И Мефистофель подставил Фаусту зеркало.

Фауст взглянул — и не узнал себя. Глаза сверкают молодым огнём, морщины разгладились, губы словно соком налились, борода стала чёрной и густой.

— Так, значит, вы хотите покинуть ваш уединённый кабинет, доктор Фауст, и пуститься странствовать по свету? Ведь верно? Я угадал?

— Я хочу вернуться туда, где я провёл свои юные годы. Первые учителя, восторг первой удачи! О, как давно это было...

— Будет исполнено, — кивнул Мефистофель.

Он снял с себя плащ, скрутил его, развернул и вытряхнул на пол сапоги со

шпорами, дорожный костюм из испанского бархата, перчатки, шпагу...

— Вороны кони ждут нас у порога. Это они мчали нас по небу в образе крылатых драконов. Вымоем руки здесь, а оботрём их в городе Лейпциге.

— Отлично! Там, в маленьком винном кабачке, я славно пировал с весёлыми студентами в дни моей юности... Скачем в Лейпциг!

Фауст облачился в новую одежду и вышел из своего кабинета. Ему показалось, что он отвалил крышку гроба.

Два вороных коня рыли копытами землю возле двери и косили огненными глазами. Фауст легко вскочил в седло, конь рванулся с места. В ушах Фауста засвистел ветер. Под самыми копытами коня мелькнул золочёный петушок на шпиле колокольни. Конь нёсся по воздуху! Рядом с гиком и посвистом мчался Мефистофель.

И вдруг копыта заскрежетали о камни. Кони остановились. Фауст увидел перед собой вход в кабачок. Всё та же знакомая вывеска, как и полвека назад, только немного подновлённая. Те же истёртые каменные ступени. Из кабачка, как и в былые времена, доносился нестройный хор голосов.

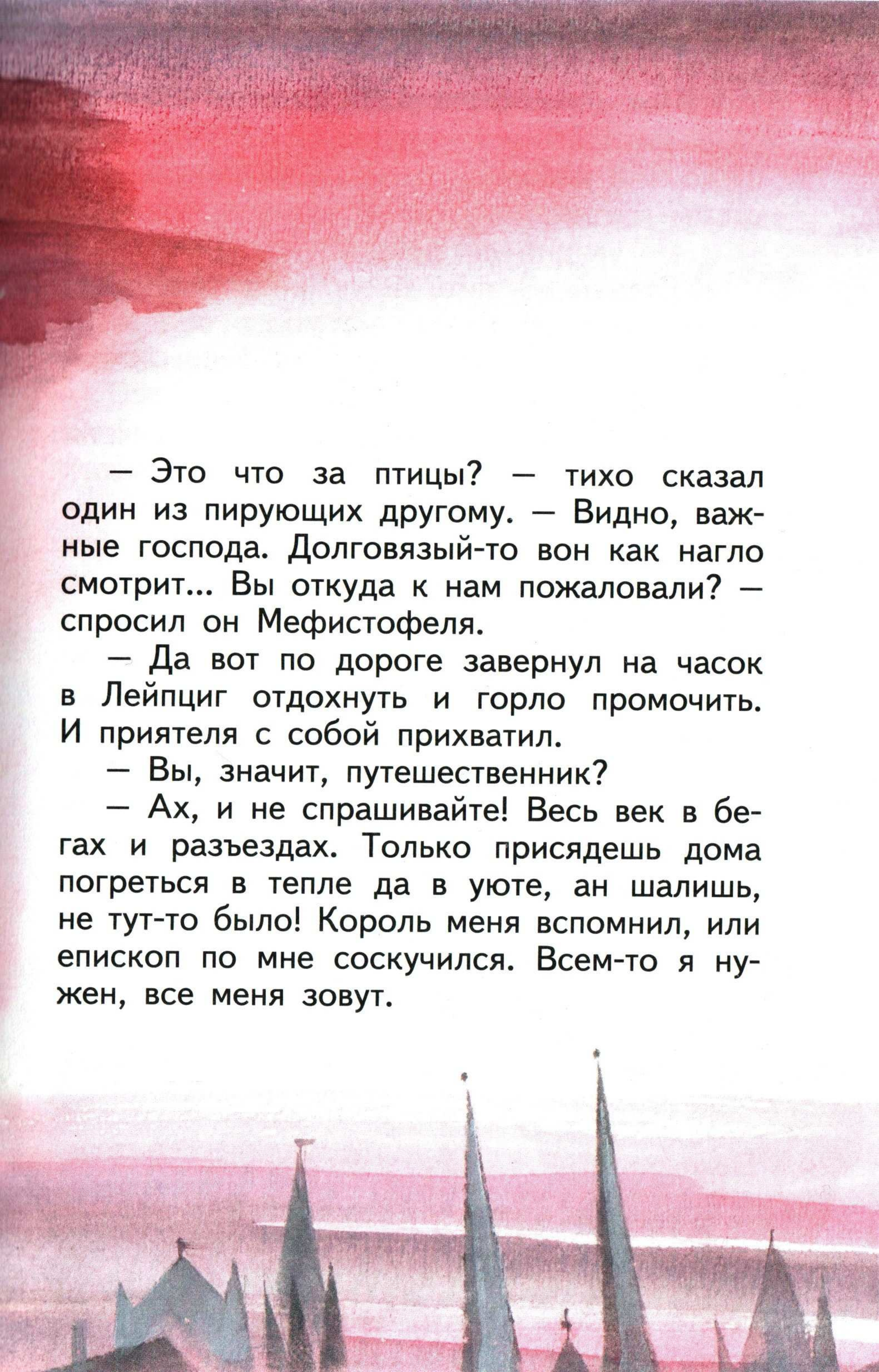
Фауст спустился вниз по каменным ступеням и толкнул дверь.

Увидев двух незнакомцев, студенты примолкли.

— Это что за птицы? — тихо сказал один из пирующих другому. — Видно, важные господа. Долговязый-то вон как нагло смотрит... Вы откуда к нам пожаловали? — спросил он Мефистофеля.

— Да вот по дороге завернул на часок в Лейпциг отдохнуть и горло промочить. И приятеля с собой прихватил.

— Вы, значит, путешественник?

— Ах, и не спрашивайте! Весь век в бегах и разъездах. Только присядешь дома погреться в тепле да в уюте, ан шалишь, не тут-то было! Король меня вспомнил, или епископ по мне соскучился. Всем-то я нужен, все меня зовут.

— Вот как расхвастался, болтун! — стали перешёптываться студенты.

Хозяин кабачка с поклоном подошёл к новым гостям:

— Не угодно ли вина, господа?

— Станем мы пить такую кислятину! Нет, я угощаю всех винцом из моего собственного погреба. Принеси-ка мне бурав и деревянных затычек, да побольше.

— Бурав? Да он забавник, — зашумели студенты. — Но где же бутылки, где бочки?

— А на что они? — Мефистофель высверлил буравом перед каждым из пирующих дырку в столе и заткнул деревянной затычкой. — Готово! Говорите, господа, какого вина каждый из вас хотел бы отведать?

— Что, на выбор? Ваш погреб так богат?

— Самый богатый в мире. Могу предложить рейнское вино, французское, испанское, венгерское, итальянское. Кому благородную мальвазию? Вино для знатоков!

— Мальвазию мне! — закричал один студент.

— Подставляй кружку!

Мефистофель вынул затычку, и из дырки в столе брызнула струя вина.

— Мне рейнского! Мне шампанского! — зашумели студенты.

Все вытащили затычки, и каждый начал пить вино, какое хотел.

— Вино-то хорошее, да обед дрянной, — посетовал один из студентов.

Мефистофель постучал ножом по столу, и все кружки и кувшины на столе начали плясать, кружиться и подпрыгивать.

Вошёл темнолицый слуга.

— Что прикажете, господин?

— Сбегай-ка да принеси сюда кушанья, что повара приготовили для самого короля.

Слуги в масках, закрывавших лица, внесли в погребок серебряные блюда, покрытые крышками.

— Ну и слуги у этих господ! — удивился кто-то. — Вон у того шесть рук. А у этого — две головы!

— Славно я наелся: и жареного фазана попробовал, и паштета, и форели... Теперь чего бы ещё? — хлопнул себя по животу

один из пирующих. — Эх, поел бы я свежего винограда! Фокусник, покажи ещё раз своё искусство.

— Сказано — исполнено, — усмехнулся Мефистофель.

Вдруг перед каждым из пирующих выросла из отверстия в стене виноградная лоза с прекрасной, спелой, сочной кистью винограда.

Каждый приставил лезвие своего ножа к черенку ароматной грозди. Вот-вот срежут.

— Пойдите, виноград не совсем созрел! — крикнул Мефистофель. — Подождите немного!

И тут студенты как ото сна очнулись. Не виноградные гроздья хотят они срезать, а собственные носы... Славно же их обморочил чародей!

— Чтоб тебе провалиться! — пожелал один из студентов Мефистофелю.

— Нашёл чем пугать! — спокойно ответил Мефистофель.

— Проклятый обманщик! Бей обоих!

Кто схватил кочергу, кто полено, кто замахнулся тяжёлым стулом.

— Ого, как расходились! Придётся улепёвывать отсюда.

Мефистофель сел верхом на бочку с вином, посадил впереди себя Фауста и крикнул:

— А ну, толстуха, поворачивайся, пошла, да поживей!

Тяжёлая бочка сорвалась с места, разбрасывая буянов во все стороны, и вылетела в дверь.

Долго ещё шумели студенты... Уж не приснилось ли им всё это? Исчезли серебряные блюда, но ведь стол-то продырявлен!

А между тем Фауст ехал на своем вороном коне опечаленный.

— Какая злая и глупая шутка! Ты испортил мне встречу с моей молодостью, демон. Когда-то я тоже учился здесь в Лейпцигском университете и сегодня думал, что хоть на час стану вновь весел и беззаботен в тесном студенческом кругу, вспомню старые застольные песни.

— Э, полно, доктор! Зачем вам эти юнцы? Впереди нас ждёт ещё так много радости!

— Тебе не понять меня, демон. Да, мы собирались в этом кабачке по вечерам, но мы были другими. Я помню моего друга, рыжего Фридриха. С каким жаром говорил он о древнем поэте Гомере. Помоги мне встретиться с ними, вновь побеседовать, насладиться их знаниями, мудростью, как в прежние годы...

Мефистофель насмешливо взглянул на Фауста.

— Смотрите, доктор, чтоб вас не постигло ещё одно разочарование. Однако извольте!

В тот же миг Фауст очутился в просторном зале, освещённом множеством свечей.

За столом, покрытым тёмно-малиновым сукном, сидели учёные, зябко кутаясь в бархатные мантии. Вон старый друг Фридрих. Его когда-то ярко-рыжие волосы стали совсем седыми. А это весельчак и шутник Иоганн Бютнер! Какие у него стали

водянистые и пустые глаза! Остальных и не узнать вовсе, так изменило их время.

Фауст прислушался к их беседе.

— Как жаль, что многие творения древних авторов безвозвратно погибли, — со вздохом сказал почтенный профессор, с лицом, сморщенным, как печёное яблоко.

— Особенно я жалею, что не все древнегреческие комедии дошли до нас. Юноши, читая их, хорошо постигают трудности грамматики, — сокрушённо качая головой, заметил другой.

Фауст шагнул на середину зала. Все с изумлением уставились на него. Никто не узнал Фауста. Перед ними стоял богато одетый, цветущий молодостью человек.

— Силой тайной магии я могу восстановить древние книги, истлевшие в земле, погибшие в огне, — волнение охватило Фауста. Ещё бы! Какую радость он принёс под своды этого зала. — Подумайте только, вы сможете прочесть неизвестные до сих пор произведения древних поэтов и философов. Хотите ли вы познакомиться с жизнеописанием великого греческого поэта Гомера?

Профессора молча переглянулись. Никто из них не вымолвил ни слова.

— Но лишь на несколько часов могу я воскресить погибшие книги. Сзовите студентов, пусть перепишут всё, что успеют, — сказал Фауст.

Профессора побледнели, замялись.

— А вдруг в сочинениях этих найдётся что-либо противное учению церкви? Недаром же их некогда предали огню.

— А если нас обвинят в колдовстве? — воскликнул другой. — Идти на костёр — слуга покорный!

— Я написал диссертацию о том, что Гомер никогда не жил на свете. Что же, диссертация моя ничего не стоит? — сердито спросил седой Фридрих.

— Вы боитесь? Значит, чудо не свершится! — с горечью воскликнул Фауст.

Он встал, начертил пальцем какие-то знаки в воздухе и вышел.

Вдруг в зале раздался крик:

— Господин Бютнер, на вас нет головы!

Почтенный ректор университета схватил себя за голову и воскликнул:

— Моя-то на месте, а вот у вас, достопочтенный Фридрих, на плечах голова осла!

Все со страхом посмотрели друг на друга. У кого ослиная голова, у кого вовсе нет головы.

— И-а, и-а! — слышался ослиный рев.

— Что это? Разве карнавал уже начался? — спрашивали друг друга студенты. — Ну и маски выбрали себе наши учёные наставники!

Только через три часа кончилось действие волшебных чар. К тому времени весь город пришёл в смятение. Послали стражников схватить доктора Фауста, но тот уже ускакал на своём вороном коне.

— Что ж, на этот раз мне не в чем упрекнуть себя, доктор! — резко захохотал Мефистофель. — Вы захотели повидаться с друзьями юности. Ну как, много радости принесла вам эта встреча?

— Куда девалась их смелость, задор, жажда познания? — с грустью сказал Фауст. — Я хочу вернуться назад в Виттенберг. Урок был тяжёл. Мне надо его обдумать в тишине, в одиночестве.

Фауст открыл дверь своего кабинета. На него пахло знакомым запахом плесени. За столом, усердно скрипя пером, сидел его ученик Кристоф Вагнер.

— Это вы, доктор? — радостно удивился он. — Да что с вами? Вы как будто помолодели. Ах, наверно, это вечерний солнечный луч забрёл сюда и творит чудеса, вы кажетесь совсем молодым. Впрочем, я стал плохо видеть, всё копаюсь в старых рукописях...

— Друг мой, Вагнер, вижу, вы стряхнули пыль с моих книг. — Фауст пробежал взглядом по полкам.

— Как же, как же, я составил им полную опись. Никому не даю читать — переплёты портятся. — Вагнер поднял голову. — А кто это стоит в дверях, доктор? Чёрный, как тень?

— Так, дорожный попутчик, — неохотно ответил Фауст.

Но Мефистофель уже исчез.

Когда Фауст остался один, он подошёл к книжным полкам. Взял одну книгу, вторую и равнодушно поставил их на место. А ведь ещё недавно с какой жадностью, с каким нетерпением он листал эти

пожелтевшие страницы... Нет, на волю, подальше от этих давящих стен. Вечер так прекрасен и тих.

Фауст вышел из своей башни. Солнце медленно уходило за круглые вершины далёких гор. Цвели липы. Поздние пчёлы, сонно жужжа, ещё собирали капли сладкого сока. Казалось, даже узорные тени лип благоухали.

Фауст дошёл до соборной площади. Глубокие звучные удары колокола плыли над городом, как будто хотели заполнить всё небо.

Служба в соборе окончилась. Из высоких стрельчатых дверей стали неспешно выходить празднично одетые горожане.

От толпы отделилась совсем юная девушка с молитвенником в руке. Её прелестное лицо было нежным и кротким. Густые косы цвета тёмного золота падали на плечи из-под простого холщового чепчика. На миг она подняла на Фауста глаза. Они были чисты и прозрачны, как бьющий из-под земли горный ключ. В их глубине, казалось, вспыхивали и мерцали драгоценные камни. Но девушка тут же скромно потупилась и прошла мимо.

— Что с вами, доктор? Вы остолбенели, словно в вас ударила молния! — рассмеялся Мефистофель.

— Я никогда не видал такой прекрасной, чистой красоты, — с волнением прошептал

Фауст, провожая девушку глазами. — Кто она? Разузнай, Мефистофель!

— Увы, доктор, не всё, к чему вы протягиваете руку, вам доступно, — скривился Мефистофель. — Девчонку зовут Гретхен. Не спорю — мила, но не в моём вкусе. К тому же досадное препятствие: её душа так безгрешна и непорочна, что даже я, хитроумный бес, не знаю, как к ней подступить.

Тут бессильны все мои колдовские заклинания и приворотные зелья.

Заметив взгляд Фауста, девушка ускорила шаги. Она вошла в невысокий бедный дом, с южной стороны увитый розами, и плотно закрыла за собой дверь.

— Я хочу встретиться с ней, говорить! Слышишь, Мефистофель? — воскликнул Фауст.

— Ох уж эти влюблённые! — ухмыльнулся Мефистофель. — Но, полагаю, невежливо являться к красотке без дорогого подарка. Впрочем, тут, под корнями старых деревьев, ещё сохранилось немало кладов. В полночь они светятся из-под земли. Уж постараюсь вам услужить.

Теперь каждый вечер Фауст приходил к скромному домику Гретхен. Он приносил ей ларчики с бесценными украшениями, длинные нити переливчатого жемчуга.

Мало-помалу девушка перестала дичиться, и они с Фаустом подолгу разговаривали, сидя на деревянной скамье за кустами роз. Но Гретхен никогда не брала у него подарков.

— Но почему? Возьми хотя бы это колечко на память, — попросил Фауст.

— Мне кажется, оно холоднее льда, — печально ответила Гретхен. — А жемчуг говорит о скорых слезах.

— Дитя, мне кажется, ты боишься меня, — однажды с грустью сказал ей Фауст. — Поверь, я не причиню тебе никакого зла.

— Я вовсе не боюсь вас, господин. — Гретхен подняла на него свои светлые доверчивые глаза. — Мне кажется, вы добрый человек. Но ваш друг... Он всегда у вас за плечом, как чёрная тень. Не знаю почему, меня страх берёт, когда я его вижу. Я вся холодею, как будто это сам дьявол.

«Невинная душа видит истину», — Фауста охватила внезапная тоска.

«Девчонка разгадала меня», — со злобой подумал Мефистофель, подслушав их разговор.

Каждый день Гретхен с нетерпением ждала, когда же наступит вечер. В её сердце проснулась глубокая и чистая любовь к Фаусту.

И всё же она однажды спросила его:

— Скажи мне, Генрих, почему я никогда не вижу тебя в церкви? Страшно вымолвить, или ты не веришь в бога?

Смущённый и опечаленный, Фауст долго молчал.

— Любимая, — наконец сказал он, — я верю, что господь бог создатель всего: тебя, меня, высокого неба над нами, земли, мерцающих звёзд. Но молю тебя, не мучай меня, никогда больше не заговаривай со мной о боге.

Однажды Фауст пожаловался Мефистофелю:

— Что делать, Мефистофель? Едва на небе зажжётся первая бледная звезда, моя

Гретхен в тревоге, как испуганная птичка, улетаёт из моих объятий. Боится, что её матушка узнает о наших тайных встречах.

— Возьмите этот маленький флакон, доктор, — посоветовал Мефистофель. — Пусть Гретхен капнет всего две капли в стакан воды и даст его выпить на ночь своей матушке. Поверьте, старушка проспит до утра крепчайшим сном и знать не будет о шалостях дочурки.

— А эти капли не повредят моей матушке? — с опаской спросила девушка, когда Фауст отдал ей флакон.

— Нет, любовь моя, — успокоил её Фауст. — Верь мне.

Всю ночь влюблённые не расставались. Пел соловей, то дальше, то ближе, и Фаусту казалось, всё тёмное и грешное отступало от него, когда девушка с улыбкой нежности склоняла головку к нему на грудь.

А утром страшная весть пронеслась по городу. В эту ночь умерла Урсула, мать Гретхен.

— Ты нарочно подстроил это, проклятый! О, если бы я мог убить тебя! — Фауст был вне себя от гнева и отчаяния.

— Вы умный человек, доктор, — с насмешкой сказал ему Мефистофель. — Подумайте сами: раз уж вы связались с чёртом, стоит ли ждать чего хорошего? Скажу по правде, вчера одна моя знакомая ведьма напоила меня таким зельем, что, видно, я спяну всё перепутал и взял не тот флакон. Зато теперь уж никто не будет мешать вам встречаться со своей милой сколько душе угодно!

Но Фауст боялся даже близко подойти к дому Гретхен. Как потерянный, бродил он по городу. Он видел её издали. Заплаканную, бледную, с лицом, искажённым отчаянием, и сердце его надрывалось от боли.

Как-то раз вечером Фауст и Мефистофель шли по соседней улице. Вдруг из переулка выбежал брат Гретхен Валентин и преградил им дорогу.

— А, это ты, негодяй! Я всюду искал тебя. Моя Гретхен, моя маленькая сестричка! Её доброе имя было моей гордостью и отрадой. А ты не пожалел её, опозорил на весь околоток! Я убью тебя! — И Валентин, выхватив шпагу, бросился на Фауста.

— Защищайтесь! — крикнул Мефистофель.

Фауст вынужден был обнажить шпагу. Он отступал, опасаясь нечаянно ранить Валентина. Он только отражал удары. Вдруг Мефистофель железной рукой схватил Фауста за локоть и ловко направил его шпагу прямо в грудь Валентина. Несчастный юноша глухо вскрикнул и рухнул на мостовую.

Сбежались люди.

— Держи убийцу!

Но Мефистофель накинул на Фауста плащ-невидимку, и они скрылись.

Фауст в отчаянии метался по своему тёмному кабинету, не находя покоя.

Прошло несколько дней, Фауст хотел выйти из башни, но Мефистофель удержал его за руку.

— Куда вы, доктор? Вы больше не увидите Гретхен. Она постриглась в монахини, ушла от мира и скрылась в далёком монастыре. Лучше отхлебните несколько глотков из этого кубка. В нём напиток забвения. Я вовсе не хочу, чтоб вы от горя заболели или потеряли рассудок!

Но Фауст в ярости выбил кубок из рук Мефистофеля. Напиток пролился, вспыхнул и прожёг ковёр.

— Ты принёс несчастье моей любимой! Ты погубил мою великую любовь. Вот какой ценой плачу я за то, что хотел с помощью злобного демона узнать тайны мироздания. Проклятый!

Мефистофель с насмешливой улыбкой скрестил руки на груди.

— За что меня проклинять? Вот, люди, узнаю вас! Не вы ли сами, по своей воле свернули с дороги познания, едва возвратилась к вам утраченная молодость?

— Свернул с дороги познания? Нет, в этом ты ошибаешься! Когда я полюбил, я шёл той же дорогой познания. И сейчас, когда я постиг всю глубину человеческого

горя, я всё ещё иду по дороге познания. Оставь меня, адский демон, наедине с моим горем, тебе не понять меня!..

— Ухожу, ухожу. Не говорю вам: прощайте! До скорого свидания, доктор Фауст!

Через несколько дней Фауст вновь призвал к себе Мефистофеля.

— Дай, дай мне напиток забвения, злой дух! Иначе сердце моё разорвётся! Я не в силах дольше терпеть эту муку!.. — в отчаянии простонал он.

— Так-то лучше! — И Мефистофель снова поднёс Фаусту кубок с кипящим напитком. Несколько обжигающих глотков, и словно железные обручи спали с измученного сердца Фауста, образ любимой девушки словно бы потускнел.

— Хотите, доктор, я покажу вам морские глубины? Вы увидите морские чудовища, затонувшие города и страны.

— Да, покажи мне чудеса морского дна, Мефистофель. Давно я хотел их увидеть.

— К вашим услугам! Я помещу вас в хрустальную сферу, а вороной конь оборотится в морского змея и повезёт её. Эта хрустальная сфера уже две тысячи лет как похоронена в земле, но я добуду её с помощью подвластных мне гномов. Славно мы позабавимся!

Целый месяц странствовал Фауст в глубинах морей и океанов. А когда утомило Фауста путешествие в хрустальной сфере,

Мефистофель предложил ему посетить Новый Свет. Фауст узнал там много любопытного. Он увидел растения, ещё неизвестные в Старом Свете, — маис и табак.

Мефистофель охотно нюхал зелёные листья табака и говорил:

— Вот полезная травка, это вам не лопухи какие-нибудь! Она осчастливит Старый Свет. Кто раз подымит трубкой, тот уж от курева не отстанет. Больше не будут про нас, демонов, говорить, что мы одни выдыхаем дым через ноздри. Не угодно ли, я набью для вас трубку, доктор?

— Забава для дураков, — ответил Фауст.

Дни летели незаметно.

— Не пора ли домой, доктор? — спросил однажды Мефистофель.

При этих словах в душе Фауста снова проснулись боль и тоска, и он вспомнил свою любимую.

— Ты слышишь, Мефистофель, я хочу увидеть её нежное лицо, поцеловать её заплаканные глаза, — потребовал Фауст.

Мефистофель только молча пожал плечами.

Морской змей переплыл океан, выполз на песок и превратился в вороного коня. Фауст вскочил в седло и поскакал быстрее вихря. Мефистофель — за ним.

Кони опустились на вершину высокой горы. Вокруг громоздились острые скалы,

из расщелин клубами поднимался зеленоватый туман. Внизу, у подножия скал, шумел тёмный еловый лес.

Узкая тропинка вела над пропастью прямо к дверям монастыря, сложенного из тяжёлых глыб серого камня.

— Как здесь мрачно, уныло, — оглядываясь, проговорил Фауст. — И она, моя голубка, томится здесь. Я умолю, уговорю её бежать со мной!

Мефистофель остановился перед небольшой дверью, окованной медью.

— Она там! — нахмурившись, проговорил Мефистофель, указывая на дверь.

— Так за дело, демон! — нетерпеливо воскликнул Фауст.

Мефистофель прошептал какое-то заклинание, достал старинный ключ, тускло блеснувший в лунном свете. Со скрежетом повернул его в замочной скважине.

Навалился на дверь плечом. Дверь не поддавалась.

— Проклятие! — прохрипел Мефистофель. — Я весь взмок от усердия, но всё попусту. Любые двери без труда открываются передо мной, а эта... Видно, слишком много молитв прочитано за ней. Святые слова насквозь пропитали её...

Мефистофель напряг все силы, наконец дверь с трудом отворилась. Крутая лестница вела вниз, в темноту. Там, в глубине, ещё одна дверь, чуть приоткрытая. Узкая,

трепещущая полоска света лежала на полу.

Фауст сбежал вниз по ступеням и замер на пороге. Он увидел Гретхен.

— Дорогая! — Голос с трудом повиновался ему.

Как она была бела, как бледна! Такая хрупкая, нежная под тяжёлым чёрным монашеским покрывалом. Только в глазах стоял тихий неподвижный свет.

— Гретхен, очнись! — позвал её Фауст. — Любовь моя, ты должна жить! Бежим со мной, кони ждут нас.

Гретхен смотрела на Фауста, но казалось, она не видит его.

— Стены этой обители священные! — еле слышно прошептала она. — Как мог проникнуть сюда голос этого призрака?

В это время наверху в дверях показался Мефистофель.

— Фауст, скорее! — крикнул он. — Проклятая дверь того гляди прищемит мне пальцы, мне не удержать её. Она захлопнется, и мы в волчьем капкане. Поторопись!

Глаза Гретхен расширились от ужаса. Она вскочила, прижалась к стене. Худенькая, с лицом, прозрачным, как льдинка, она казалась совсем ребёнком.

— Кто там чёрный стоит в дверях? Фауст, ты весь окутан мраком! — голос Гретхен зазвенел. — Господь милосердный, охрани меня! Ты страшен мне, Фауст! Уйди, уйди навсегда!

Фауст, словно ослеплённый, прикрыл глаза ладонью.

— Как далеко ты ушла от меня, любимая, по дороге света... — в отчаянии прошептал он.

Силы оставили Фауста, он пошатнулся. Ему казалось, тяжёлые тёмные своды навалились на него.

— Гретхен... — в последний раз простонал он. Фауст упал бы, но Мефистофель подхватил его и накинул на него свой плащ. Фауст погрузился в беспамятство.

Очнулся он уже в башне, на своей постели. Над ним наклонился Мефистофель и поднёс к его губам чашу кипящего напитка.

— Это оживит вас, доктор!

Фауст отхлебнул из чаши, и словно туманная дымка скрыла от него низкие стены монастырской кельи, светлое лицо Гретхен.

— Уйди, демон! — сказал Фауст Мефистофелю. — Ты можешь заглушить боль, но не в силах погасить воспоминания.

Долго Фауст оставался один, предаваясь печальным размышлениям.

«В чём смысл человеческой мудрости? — спрашивал он себя. — Для чего она? Я всю жизнь копил знания, как скупец золото. И чего же я добился?»

И он ответил сам себе: «Один шаг в мир из моего затворничества, и я сломал жизнь прекраснейшей из девушек. В память её я хочу творить добро. Оглянись, Фауст: кругом слёзы, страдания и нищета! Надо сделать жизнь людей счастливой — вот самая высокая цель. Но как? Что я могу совершить один, будь я даже всеведущ?.. Короли и императоры обладают великой властью. Не обратиться ли мне к ним за помощью?»

И Фауст снова призвал к себе Мефистофеля.

— Так я и думал, что вы соскучитесь по мне, доктор. И скоро. Чем могу служить?

— Я хочу побывать при дворе самых могущественных монархов мира. Быть может, они захотят сделать хоть что-нибудь для счастья своих народов.

— Ха-ха, вижу, вы не так хорошо с ними знакомы, как я! Но я всегда рад побывать при дворе — возобновить старые знакомства. Итак, с кого начнём?

— В Париж, к королю Франции!

— Недурной выбор. Обворожительный человек Франциск Первый, весёлый, так и сыплет шутками... Люблю беседовать с ним. Недавно войско его разбил в бою испанский император Карл Пятый. Что народу полегло, даже чертям в аду стало тошно!

— Да, я знаю, король побывал в плену. Его постигло горе, он станет слушать меня. Ты смеёшься, Мефистофель? Я хочу видеть Франциска и говорить с ним.

— Ну что ж, у меня есть при его дворе много знакомых. Воронные кони ждут нас. В седло — и вперёд!

Коня помчались быстрее ветра и скоро остановились посреди большого мощёного двора. Перед Фаустом предстал королевский дворец Лувр во всём его великолепии.

Мефистофель сказал пароль, часовые взяли на караул. Фауст поднялся по широкой мраморной лестнице. Один зал за другим. Казалось, им не будет конца. Большие зеркала словно раздвигали стены, бесконечно повторяя блеск и позолоту.

Фауст на ходу взглянул в зеркало и увидел, что он облачён в одеяние мага: мантия причудливого покроя, на голове высокий остроконечный колпак, усыпанный звёздами.

По залам пёстрой толпой прохаживались придворные кавалеры и дамы.

— А-а, старый знакомый! — сказал Мефистофель и поманил к себе одного из придворных. — Дорогой маркиз, проведите-ка моего друга к королю.

— Сейчас нельзя: король занят государственными делами, — надменно ответил придворный.

— И всё же доложите ему, что прибыл доктор Фауст, маг и чародей, великий мастер волшебства. Вы качаете головой, маркиз? Не отказывайтесь! Разве вы не узнали меня?

Мефистофель щёлкнул пальцами — посыпались искры. Придворный побледнел. Куда девался его горделивый вид! Он поспешил чуть ли не бегом к единственной двери, которая была закрыта, и, отстранив пажа, скрылся за дверью. Через минуту он вернулся и с поклоном сказал Фаусту:

— Его величество благоволит принять вас, доктор Фауст. Пожалуйста!

Паж распахнул дверь.

Король Франциск сидел в кресле перед столом, разглядывая чертежи и рисунки. У короля был длинный лисий нос, плутовато-весёлые глаза.

— А-а, великий маг и чародей! И уж, наверно, сам чёрт у тебя на поводу, ха-ха! Вот, полюбуйся, чертежи и рисунки, целые вороха чертежей. И что же? Ни одной

остроумной выдумки, словно у моих мастеров мозги ссохлись в горошину.

— Это новые изобретения, государь?

— Изобретения? Нет, я готовлю во дворце праздник, каких ещё не бывало. Ты мог бы помочь. Но что ты можешь?

— Я многое могу.

— Послушаем!

— Государь, я могу построить каналы, и вода побежит на пересохшие поля. Я могу пригнать облака, и они прольются дождём на измученную землю. Я добуду в далёких землях семена многих полезных растений, доныне неведомых в Европе. Дайте мне дозволение, государь, и я построю прекрасные солнечные города. В них будет легко и радостно жить. Испытайте меня, государь!

Король нетерпеливо прервал его:

— Это очень мило. Но для начала придумай какое-нибудь зрелище. Покажи на моём празднике чудеса магии, скажем, волшебные картины.

— Небывалое зрелище? Государь, вы, разумеется, много слышали о Гомере, слепце Гомере, величайшем поэте Древней Греции? О Гомере, который создал «Илиаду» и «Одиссею»?

— Ещё бы, или ты считаешь меня полным невежей?

— Нет, государь. Я могу показать на вашем празднике героев, воспетых Гомером.

Вы и ваши гости увидите своими глазами благородного Гектора и хитроумного Одиссея, отважного Ахилла и великана Полифема с одним глазом во лбу... Они предстанут перед вами как живые.

— Придумал тоже! Показать Полифема, это чудовище! Он всех дам перепугает. Нет, лучше покажи мне знаменитых красавиц прошлого! Покажи Прекрасную Елену.

— Хорошо, государь, вы увидите Елену Троянскую. Но позвольте мне после праздника говорить с вами о том, что я задумал.

— Хорошо, хорошо, благодетель человечества. Я выслушаю тебя, если останусь доволен.

Настал вечер праздника. Дамы и кавалеры в маскарадных костюмах собрались в бальном зале. Было тепло и душно, как перед грозой.

На голове Дианы, самой прекрасной дамы французского двора, сверкал алмазный полумесяц.

Все шептали:

— Взгляните на неё! Она несравненна!

Вошел Фауст с волшебной палочкой в руке. За ним чёрной тенью проскользнул Мефистофель.

Фауст поднял палочку — и с потолка посыпались лепестки роз. Заиграла нежная музыка. И вдруг всё вокруг зазеленело, как в саду. Запели, защёлкали соловьи.

Зрители разразились громом аплодисментов и толпой окружили Фауста. Послышались голоса:

— Вы настоящий волшебник! Изготовьте для меня любовный напиток, чародей, чтобы я мог покорить сердце жестокой дамы.

— А для меня изготовьте мазь, чтобы я стала белее снега.

— Вот моя рука — предскажите мне будущее.

— Немного яду, чтобы скорее получить наследство... — прошептал кто-то на ухо Фаусту.

Фауст вышел на середину зала.

— Государь, вы сейчас увидите героев Троянской войны, воспетых великим Гомером. Но берегитесь подойти к ним близко и коснуться их хотя бы кончиком пальца. Случится беда. Дорогу, господа, дорогу, станьте вон там, позади колонн!

Толпа придворных расступилась, самые боязливые прижались спиной к стене. Король сел в кресло на возвышении. Невидимая музыка заиграла торжественный марш.

Двери по разные стороны бального зала растворились настежь, и в зал быстрыми шагами вбежал молодой воин в латах и пернатом шлеме. Он прикрылся великолепным щитом и угрожающе поднял меч. Лицо его пылало гневом.

— Вы видите перед собой быстроногого Ахилла, — возгласил Фауст, и не успел он кончить, как герой уже скрылся в противоположных дверях.

Следом за ним вошёл темнокудрый юноша с тигровой шкурой на плечах. Он шёл медленно, словно хотел дать время налюбоваться своей красотой. Послышался восхищённый шёпот дам.

— Это Парис, сын царя Трои Приама, — громким голосом сказал Фауст.

Парис скрылся за дверь. Его сменил человек в лохмотьях, с лицом, обожжённым солнцем, огрубевшим от морского ветра. Он держал в руке обломок весла.

— А это царь Одиссей. Вот он перед вами, такой, каким был, когда его выбросили волны на берег пустынного острова...

— Всё это очень забавно, — воскликнул Франциск, — но где же Елена? Я устал ждать.

— Настала и её очередь. Государь, вы сейчас увидите прекраснейшую женщину на земле — Елену Троянскую. Некогда Парис похитил Елену у супруга её, царя Спарты Менелая, и увёз за море, в далёкий город Трою. Гневом возгорелся Менелай на обидчика и призвал к себе на помощь других греческих царей.

— Право, я словно слышу учёную лекцию, — засмеялся Франциск. — Но где же Елена?

— Терпение, государь. На тысяче кораблей приплыли греки к тому берегу, где высились на холме белые стены Трои. Много лет длилась война, воинское счастье было переменчиво, но вот в огне запылала Троя, и погибли старец Приам и все его пятьдесят сыновей. Отравленная стрела поразила Париса. Вы увидите Елену в минуту грустного раздумья. Дорогу, господа, и ещё раз

говорю вам: остерегайтесь прикоснуться к Елене!

Замолк удивлённый говор. Все глаза устремились на дверь.

В зал вошла прекрасная, величественная женщина. Золотые волосы нежными завитками падали на высокий чистый лоб. Белый хитон струился складками, поверх него была наброшена пурпурная мантия. Но глаза прекрасной женщины были неподвижны и печальны.

— Да, молва не лгала! Как она хороша, как божественно хороша! — вскричал король, вскочив с кресла.

— Это Прекрасная Елена? — заговорили дамы злым, завистливым шёпотом. — Но она одета совсем не по моде. Какой нелепый туалет!

— Какая безобразная причёска, бог ты мой, как у прачки! — ревниво засмеялась Диана.

Но король не слушал её:

— Елена, богиня красоты, взгляни на меня!

Он сбежал с возвышения и протянул руки к Елене.

— Остановись! — вскрикнул Фауст. — Остановись, безумный!

— Прочь от меня, плут, мошенник! Забыл, с кем ты говоришь? Красотка, ну же, взгляни на меня! — И король схватил Елену за руку.

Раздался громовой удар, видение исчезло. Король упал на землю, как сражённый молнией.

— Чародей убил короля. Схватить негодяя! — закричали придворные. Десятки рук потянулись к Фаусту...

— Ну вот и конец комедии! — И Мефистофель взмахнул своим плащом-невидимкой.

Поднялись клубы белого дыма и скрыли Фауста с Мефистофелем.

— Ну, доктор, — с издёвкой сказал Мефистофель, когда Фауст оказался на одной из парижских улиц, — поздравляю с успехом! Хорошо, что чёрт поспел вовремя. Не лучше ли нам бежать из Франции, пока вас не вздёрнули на виселице или не сожгли на костре?

— Нет, демон, нет, ты не испугаешь меня, — ответил Фауст. — Я хочу говорить с королём и буду говорить с ним.

— Это значит: «Чёрт, берись за дело!» Придётся мне шепнуть придворным, чтоб они смягчили гнев короля.

Через несколько дней в гостиницу «Весёлый кабан», где остановился Фауст, пришёл молодой паж и пригласил его во дворец.

Король принял Фауста с улыбкой.

— Ну, чародей-чернокнижник, славно же ты перепугал весь двор!

— Простите великодушно, государь, но я предупреждал вас...

— Знаю, знаю. Так вот, я поверил в тебя.

— О государь, доверьтесь мне, и с моей помощью вы обратите Францию в цветущий сад!

— Да, да, каналы, дожди и прочее. Но это потерпит, это потом. А пока вот что! Казна моя пуста. Можешь ли ты добыть клады? В моей стране похоронено много сокровищ.

— Постараюсь, государь.

— Хорошо. А теперь самое главное. Ты слышал, верно, что я побывал в плену у Карла Испанского? Он держал меня в сыром подземелье. Скупец кормил меня тухлой дичью и чёрствым хлебом. Послушай, чародей, помоги мне отплатить Карлу Пятому той же монетой. Я хочу ещё раз встретиться с ним на поле битвы.

— Повинуюсь, государь. Силой своих чар я создам целую армию могучих, закованных в латы воинов. Враги увидят это полчище и в страхе побегут.

— А твои солдаты погонятся за воинами Карла: ату их! И всех перебьют. А Карла Пятого приведут ко мне, как осла на поводу. Ха-ха!

— Но, государь, вы меня не поняли. Воины мои будут призрачными, как столбы тумана. Они наведут ужас на врага, а потом рассеются в воздухе... Вы сами должны будете завоевать победу.

— А-а, так это будет просто фокус!

Франциск помрачнел и добавил:

— Но оружие-то мне нужно не призрачное, а настоящее, слышишь? Посильнее пороха. Сделай для меня такое оружие, чтобы всё войско врага — одним ударом!

Фауст, бледнея, отступил к двери.

— Простите, государь, это невозможно. Я...

— Ты не можешь? Ну так ступай! Я призову тебя, когда понадобится. — И король небрежным взмахом руки отпустил Фауста.

— Ну, доктор? — злорадно спросил Мефистофель. — Кто из нас двоих лучше знает сердца королей?

— Наверное, ты! Но вот моё сердце ты знаешь плохо. Я не успокоюсь на первой попытке.

Доктор Фауст посетил императора Карла Пятого, английского короля, папу римского, турецкого султана и столько королей и герцогов, что их и перечесть нельзя.

Все они просили у него денег и оружия. Просили его построить властью своих чар дворцы и замки, подарить им волшебных коней. Королевы и герцогини умоляли сделать их молодыми и прекрасными.

А под конец каждый из них шептал: «Убей моего врага!»

Но едва Фауст начинал говорить о своих великих замыслах, как собеседники его становились глухи и немые. Всё красноречие Фауста не могло тронуть их сердца.

А Мефистофель поглядывал на него и криво усмехался.

Наконец Фауст понял, что все попытки его бесполезны. Опечаленный, сумрачный, решил он вернуться к себе домой, в Виттенберг, к брошенным книгам, забытым ретортам.

Фауст вновь открыл дверь своего кабинета. Как будто время остановилось! Уткнувшись носом в книгу и согнувшись крючком, в кресле сидел его ученик Кристоф Вагнер.

Вагнер так углубился в работу, что даже не оглянулся на скрип отворившейся двери.

— Над чем вы так увлечённо трудитесь, дорогой друг? — подходя к нему, спросил Фауст.

— А, это вы, доктор! — Лицо Вагнера осветилось радостью. — Как кстати, как вовремя! Я нашёл в старинных книгах рецепт,

как создать в колбе маленького живого человечка — гомункула. Я ращу его в колбе, как кристалл. Однако сколько я ни стараюсь, усилия мои напрасны. Одна неудача за другой. Вот если бы вы захотели помочь мне, ваш ум, ваш гений...

— Да, да, я помогу вам, — согласился Фауст. — Когда-то это меня тоже очень занимало. Гомункул будет мыслить, говорить, мало того, ему будет открыто прошлое и будущее. И, может быть, когда-нибудь он выйдет из своей колбы и станет настоящим человеком.

И Фауст накрыл колбу своей мантией. Когда же на другой день он снял её, в колбе, свернувшись в розовый клубок, лежал гомункул.

— Солнце, я вижу солнце! — засмеялся тонким голоском маленький человечек. — О радость, о счастье рождения! Откройте окно настежь, я хочу глядеть на солнце.

Колба с гомункулом взлетела на воздух и начала кружиться по комнате.

Гомункул глядел на солнце, радовался и протягивал к нему ручки.

С тех пор Фауст полюбил беседовать с гомункулом. Это маленькое существо обладало великим разумом и угадывало мысли Фауста лучше, чем Вагнер или даже Мефистофель.

— О чём вы думаете? — однажды спросил гомункул Фауста. — Нет, не говорите

мне ничего. Я закрою глаза и увижу. Это словно сон. Круглые горы, оливковые рощи, стада кудрявых овец. А на пороге дворца, сложенного из белых мраморных плит, стоит женщина — образ самой красоты. Золотые волосы завитками падают на чистый белый лоб.

— Это Елена, царица Спарты. Такой я показал её королю Франциску Первому. Но если б я мог увидеть живую, настоящую Елену!

— Перенестись в Древнюю Грецию? Однако для этого надо создать волшебный корабль.

— Ты прочёл мои мысли, гомункул! Смотри, я уже начал делать чертёж этого корабля.

И вот во дворе застучали топоры, завизжали пилы. Мефистофель, посмеиваясь, доставлял из далёких стран всё, что приказывал ему Фауст: самое лёгкое дерево и самое твёрдое. Немало топоров иступили и переломали плотники.

Наконец корабль был готов, остроносый, узкий. Паруса из тонкой, как паутина, ткани висели неподвижно: их мог надуть только ветер времени.

Фауст взял колбу с гомункулом и взошёл на палубу корабля. За ним нехотя последовал и Мефистофель.

— Право, доктор, вы тащите меня за собой, как собачку на привязи. Далась вам эта Елена! По мне, любая ведьма милее. Ох, служба, горькая служба! Тащись за Фаустом, Мефистофель! Лететь к Елене за три тысячи лет назад! И это, по-вашему, путь познания?

— Познание слепо и бескрыло, если оно не ищет красоты, — сказал гомункул. — Но этого тебе не понять, хромой урод!

— Молчи, невысиженный цыплёнок, а то как бы твоя бутылка не треснула!

Фауст взялся за руль. Корабль сам собою легко и плавно поплыл по призрачному туману.

— Мы погружаемся в глубь веков, — сказал Фауст гомункулу. — Мы повернули время назад!

— Да, да, — откликнулся маленький человечек. — Это поразительно! Сейчас все события идут от конца к началу, от смерти к рождению. Смотрите, доктор!

— И смотреть не на что, всё шиворот навыворот! — проворчал Мефистофель. Он сидел, прислонившись к мачте, и курил трубку, набив её табаком, который вывез из Нового Света.

А между тем мимо них проносились замки рыцарей, пожары и битвы. Вот старый замок лежит в развалинах. Но вдруг упавшие стены поднимаются, их лижет пламя. Мгновение — и замок цел и невредим. Как

грозно глядят высокие башни! И вот замка снова нет, каменщики только закладывают его основание.

Мёртвые кости белеют в поле, и вдруг скелеты встают и превращаются в живых воинов. Воины бьются в битве. Ещё мгновение — и враги расходятся в разные стороны к своим домам и мирно садятся за стол пировать.

— О, если бы они знали, что с ними будет, когда время двинется в своём законном порядке! — с горечью воскликнул Фауст. — Если бы они только знали, что им предстоит... Может быть, тогда они не обнажили бы мечи!..

Корабль остановился посреди какого-то города.

Всё вокруг было озарено пламенем пожара. Город пылал. В клубах дыма рушились дома, слышались вопли погибающих.

Несколько женщин с криками и плачем метались перед высоким каменным храмом.

И только одна женщина неподвижно стояла на мраморных ступенях.

— Елена! — кричали женщины. — Это ты погубила Трою! Горе, горе!

Вдруг на площади появились воины с мечами и копьями.

— Вот царица Елена! — крикнул один из них. — Смерть ей! Жрецы хотят принести Елену в жертву богам.

Фауст подбежал к Елене, поднял её на руки. Не успели воины опомниться, как Елена исчезла из глаз.

Елена лежала на плече Фауста в беспамятстве и очнулась только тогда, когда волшебный корабль вдруг замер на месте. Паруса его снова повисли. Корабль вернулся обратно в Виттенберг.

— Где я и кто ты, чужеземец? Куда ты увлёк меня?

— Подальше от твоих убийц, — ответил Фауст. — Я сберёг для людей твою красоту, царица.

— А я, признаюсь, струхнул, — проворчал Мефистофель. — Что, если бы этот корабль сломался по дороге и мы бы пошли назад пешком, а?

С этого дня Елена поселилась в доме Фауста, и художники приходили рисовать её портрет. Ваятели изображали её в мраморе.

Елена пела и ткала прекрасные узоры, пока Фауст трудился в своём кабинете.

Однажды Елена спросила Фауста:

— Ты рисковал своей жизнью, спасая меня. Почему ты это сделал?

— Я спас тебя во имя девушки, которую я любил больше всего на свете, — задумчиво и печально ответил Фауст. — Её жизнь была чиста, как хрусталь, и я разбил этот хрусталь.

— Любовь... — повторила Елена Прекрасная, и глаза её затуманились далёкими воспоминаниями.

Однажды, гуляя на закате по липовой аллее, Фауст заметил человека, плотно закутанного в тёмно-лиловый бархатный плащ. Он шёл крадучись, перебегая из тени в тень.

Человек этот показался Фаусту знакомым. Да, да, это тот самый маркиз, которого он видел среди придворных короля Франциска Первого. Что надо этому хитрецу и проныре?

Фауст сразу заподозрил недоброе.

— Ах, досточтимый доктор, — сладким голосом сказал маркиз. — Нельзя спрятать бесценный алмаз от мира и думать, что это может длиться вечно. Ветер разносит слухи, как цветочную пыльцу. Мой повелитель, король Франциск, знает, что Елена Прекрасная тайно скрывается в вашей угрюмой башне. Разве это достойное её обиталище? Король хочет, чтобы прославленная красавица украшала его придворные балы, освещала весь Лувр своим царственным сиянием. Вы не прогадаете, дорогой доктор Фауст! Ваша голова уже седа. А золото всегда остается золотом, и под старость его блеск становится только ещё ярче!

Смущённый и озабоченный вернулся Фауст в свою башню.

— Тебе больше не безопасно здесь оставаться, — сказал он Елене. — Твоя бессмертная красота принадлежит всему миру. Взойди на мой корабль времени, и он перенесёт тебя, куда ты пожелаешь.

С грустью смотрел Фауст, как Елена Прекрасная поднялась на палубу корабля.

Навсегда запомнит он её улыбку, полную величия и печали.

Елена Прекрасная что-то прошептала. Ветер, благоухающий цветами, наполнил паруса, и корабль скрылся из глаз, словно растаял.

— Неужели она вернулась в Трою? — прошептал Фауст.

— Нет, — покачал головой гомункул. — Красота принадлежит будущему. Ты же знаешь — красота бессмертна!

Напрасно шпионы короля Франциска Первого искали Елену Прекрасную. Никто больше её не видел. Она исчезла столь же таинственно, как и появилась.

— Оторвитесь от ваших размышлений, доктор! — однажды окликнул гомункул Фауста. — Туман рассеивается, я вижу старинный город Брюгге. Острые черепичные крыши, а за ними городская площадь. Вон виселица и палач в красном капюшоне. А вон несчастный юноша с петлёй на шее, они хотят его повесить. Но он не совершил никакого преступления, его оклеветали!

— Вам-то какое дело, доктор? — с досадой проворчал Мефистофель. — Если начать спасать всех невинно осуждённых, вам некогда будет выпить глоток вина!

— Замолчи, демон! — Фауст сорвал с плеч Мефистофеля его чёрный плащ... И в тот же миг веревка, накинутая на шею жертвы, порвалась сама собой, виселица с грохотом рухнула, а юноша, ожидавший смерти, очутился на парусном корабле далеко в море.

— На севере Германии — чума! — как-то утром сказал гомункул Фаусту, вглядываясь в даль. — Я вижу страшную телегу, запряжённую измученной клячей. Тела мёртвых свалены как попало. Но в городе есть ещё живые, их можно спасти. Вон плащ-невидимка,

он висит на гвозде. Мефистофель отлучился и забыл взять его с собой.

Одно мгновение — и Фауст уже накинул на себя волшебный плащ.

— Не входи в этот дом, незнакомец, там смерть! — крикнул ему старик, лежащий посреди мостовой.

Но Фауст уже открыл дверь.

— Выпей это, несчастная. — Фауст поднёс к губам умирающей женщины кубок с целебным настоем.

— Я дышу легче, — с благодарностью прошептала больная. — Боль оставила меня. Дай я поцелую твою руку, нет, нет, я могу заразить тебя.

Фауст оставался в городе, пока не справился с чумным мором.

— Но я тоже не буду сидеть без дела, — пробормотал Мефистофель. — В подвале стоит помело моей приятельницы ведьмы. Пока Фауст забавляется спасением людишек, я потихоньку отнесу семена заразы в соседний край. То-то будет славно...

Но гомункул всякий раз рассказывал Фаусту о злобных проделках Мефистофеля.

— погоди, когда-нибудь я ещё доберусь до тебя, заморыш, — грозил гомункулу Мефистофель.

Шли годы.

Однажды Фауст, уже вновь постаревший, убелённый сединами, сидел в своем кабинете и думал: «Неужели я никогда не увижу тебя, страна счастья? О, если б у меня был волшебный рог, чтобы созвать всех людей, которые хотят её построить! Фауст, ты слишком многое хотел совершить один...»

Он открыл старинную пожелтевшую книгу и вслух прочёл слова:

— «Время — ничто! Любить, стремиться — в этом великая цель жизни».

Раздался стук копыт. Фауст поднял глаза — перед ним, злорадно усмехаясь, стоял Мефистофель. Руки с длинными острыми когтями тянулись к Фаусту. Так кот готовится схватить мышь.

— Так, по-твоему, время — ничто, Фауст? Ты привык шутить со старцем-временем, но просчитался. Двадцать четыре года прошли, минута в минуту. Иди со мной! — И Мефистофель развернул свиток пергамента. — Вот твоя подпись на договоре — она начертана кровью. Эта кровь так свежа, будто пролита только минуту назад. Я долго служил тебе. Ты затормошил меня, Фауст. Из-за тебя я страдаю одышкой. Пришла твоя очередь служить мне. Довольно пустых мечтаний — берись за дело. Ты будешь изобретать орудия убийства, одно страшнее другого.

— Мне служить убийству? — вскричал Фауст.

— Для чего же мне нужен доктор Фауст? Великий ум, ты придумаешь такое, что мне, простому чёрту, и в голову не придёт. Я тебе предоставлю превосходную лабораторию в жерле вулкана Этна. Под твоим началом будут трудиться могучие адские чудовища. Ха-ха, вот пойдёт работёнка!

— Так ты хочешь взять меня в рабы, демон? Меня? — сказал Фауст, медленно вставая и выпрямляясь во весь рост.

— Да, тебя, великий учёный, благодетель человечества! Ха-ха! Дерзкий разум, жажда познания предала тебя в мои руки. Не зря говорил я тебе, что ты мне дороже всех королей, вместе взятых. Они способны на многое, но ты, доктор Фауст, превзойдёшь их всех.

— Так ты хочешь взять меня? — повторил Фауст. Он вдруг начал расти, расти, словно тень дерева на закате. — Ты хочешь бросить меня в свой крошечный ад и думаешь, что он вместит меня? Во мне уместятся и ад, и небо, и люди, и весь мир, а ты только часть мира, притом самая худшая. Не тебе владеть мной!

— О, ты мастер рассуждать, доктор Фауст! Но где твоя совесть? Ты обещал — исполняй! — И Мефистофель протянул Фаусту договор. — Двадцать четыре года я был у тебя на побегушках, и ты узнал всё, что хотел. Ты сыт познанием, теперь ступай со мной.

— Разве можно насытиться знанием? Для этого тысячи жизней не хватит.

— Ого! Ты собрался прожить тысячу жизней? Полно, Фауст, ты с ума сошёл! — захохотал Мефистофель.

— Прощай, демон, — сказал Фауст. — Ни я, ни Елена не умрём, а почему — тебе не понять. Когда в будущем другой учёный будет так же неудержимо стремиться к познанию, как я, побеждая сомнения и душевные

муки, про него скажут: «В нём живёт дух Фауста!»

— Пустые слова! Ты — моя добыча, и конец! Живым или мёртвым, я унесу тебя. Вот твоя подпись на договоре. Взгляни, затрепещи и погибни!

Пламя в очаге вдруг поднялось высоким столбом, и из него вырвалась огненная саламандра. Она вытянулась на хвосте и пылающим языком лизнула пергамент, на котором был написан договор. Одну минуту еще виднелось имя «доктор Фауст», потом пергамент почернел, рассыпался, и на полу осталась лишь кучка золы.

— Брысь, проклятая! — закричал Мефистофель. — Слизала подпись! Начисто слизала! Как ты смела восстать против меня, владыки огня?

— Огонь — чистая стихия! — воскликнул Фауст. — Ты же владеешь лишь пламенем пожаров, гибели и ада!

— В последний раз говорю тебе, Фауст: идём со мной, пока я не вызвал всех дьяволов на подмогу, — в ярости прохрипел Мефистофель. — Вот, вот, смотри, разверзлась бездна ада. Вельзевул, Асмодей, Люцифер, на помощь!

Но в тот же миг наверху раскрылся потолок, и показалось звёздное небо. И лучистые звёзды, мерцавшие в высоте, приблизились и ослепительно засверкали.

Мефистофель скорчился от боли.

— Ай, ай, жгутся, проклятые! Колют лучами! Слепят глаза, ничего не вижу! Где же доктор Фауст? Скрылся, улизнул. Но погоди, доктор Фауст, мы ещё встретимся! Я буду поджидать тебя на каждом повороте будущего. Ты ещё послужишь мне, ты мне послужишь!..

— Никогда! — донёсся откуда-то издалика голос Фауста.

Наутро пришёл Кристоф Вагнер — и застыл на пороге. В потолке зияет дыра, стулья опрокинуты, на полу куча золы, пахнет смрадом и гарью. А доктор Фауст пропал бесследно. Только его докторская мантия висит на ручке кресла. Исчез и гомункул.

— Случился взрыв во время опасного опыта, — вздохнул Кристоф Вагнер, — и доктор испарился в пространство. Какое несчастье! И от гомункула ничего не осталось. Хорошо ещё, что хоть книги-то целёхоньки: ведь они завещаны мне. Но я не останусь неблагодарным: напишу о моём учителе Фаусте толстую книгу. Чтобы люди не называли его колдуном и волшебником.

Кристоф Вагнер сел за стол доктора Фауста и, близоруко уткнувшись носом в страницу, вывел на ней крупными буквами:

«Жизнь и деяния знаменитого и досточтимого доктора Фауста».

Содержание

ГАМЕЛЬНСКИЙ КРЫСОЛОВ	3
ЛОЭНГРИН	27
ЛОРЕЛЕЯ	51
ФАУСТ	67

В 69

Волшебная дудочка. Сказки и предания немецких земель / переск. Софьи Прокофьевой ; ил. Ники Гольц. — М. : Эксмо, 2012. — 136 с. : ил. — (Книги — мои друзья).

УДК 82-93
ББК 82.3(0)

ISBN 978-5-699-53215-5

© Прокофьева С. Л., текст, 2011
© Гольц Н. Г., иллюстрации, 2011
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2012

Литературно-художественное издание

Для младшего школьного возраста

ВОЛШЕБНАЯ ДУДОЧКА

Сказки и предания немецких земель

Пересказ *Софьи Прокофьевой*

Художник *Ника Гольц*

Ответственный редактор *В. Карпова*

Художественный редактор *И. Лапин*

Корректор *Д. Горобец*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

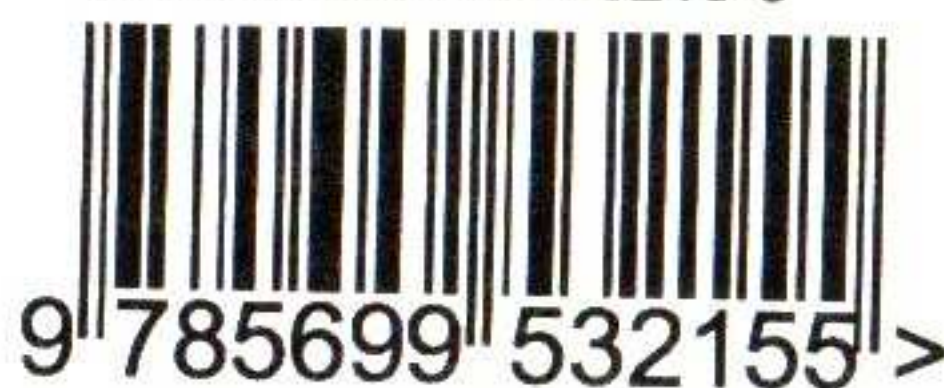
Подписано в печать 21.11.2011. Формат 60х90 1/16.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,5.

Тираж 10 000 экз. Заказ 0841/11.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ЗАО «ИПК Парето-Принт», г. Тверь, www.pareto-print.ru

ISBN 978-5-699-53215-5

**Всем хорошим во мне
я обязан книгам.**

М. Горький

Чтение – вот лучшее учение!

А. С. Пушкин

ISBN 978-5-699-53215-5

ЭКСМО